

Серия «Камчатское детство»

Сергей Гаврилов

*Как Камчатка
с японцами
воевала*

Петропавловск-Камчатский
Новая книга
2025

ББК 65.26-03 (2 Р-4 Камч)
УДК 336.1.07 (571.66)
Г-12

Гаврилов, Сергей Витальевич

Г-12 Как Камчатка с японцами воевала. – Петропавловск-Камчатский :
издательство Новая книга, 2025. – 80 с. : ил. – (серия «Камчатское детство»).

ISBN 978-5-907448-47-6

Рассказывается о малоизвестных военных событиях, происходивших на Камчатке в 1904—1905 гг. В боевом противостоянии с устремившимися на полуостров иноземцами участвовали различные слои камчатского населения, их совместные действия предотвратили захват нашей земли и её отторжение от России. В честь тех давних событий и их участников в Камчатском крае учреждена памятная дата — День формирования народного ополчения на Камчатке в годы Русско-японской войны, впервые отмеченная 23 апреля 2025 г.

Книга иллюстрирована работами учеников камчатских художественных школ, предназначена для школьников среднего и старшего возрастов и всех, интересующихся историей Камчатки.

ББК 65.26-03 (2Р-4 Камч)
УДК 336.1.07 (571.66)

ISBN 978-5-907448-47-6

© Гаврилов С. В., 2025
© Издательство «Новая книга»
ИП Кожан С. П., 2025

Былое и современность

В самом центре камчатской столицы возвышается величественное сооружение — высокая колонна, увенчанная государственным гербом. Это — стела, возведённая в честь присвоения Петропавловску-Камчатскому президентским указом от 3 ноября 2011 г. «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» почётного звания Российской Федерации «Город воинской славы».

Колонна опирается на массивное четырёхугольное основание. На каждой его грани установлены бронзовые барельефы, отражающие четыре главные военные события в истории нашего города и края: Петропавловская оборона 1854 г., защита Камчатки в ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг., трудовой подвиг населения полуострова во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и вышедший в августе 1945 г. из Петропавловска Курильский десант, ставший завершающей операцией Второй мировой войны.

Один из барельефов называется «Народное ополчение». Здесь в верхнем левом углу расположен знак — вписанный в круг крест, напоминающий современный орден Мужества. Такой знак выдавался, начиная со времён Отечественной войны 1812 г., добровольно вооружавшимся мирным людям — ополченцам, желавшим постоять за честь родины. Он крепился на одежде или головном уборе. Тут же на виду Авачинской губы и её главного отличия — прибрежных скал Три брата — изображены солдат, казак и местный житель. На другом барельефе, обрамляющем вместе с цепным ограждением торжественную композицию, показаны две стороны медали, отчеканенной для награждения участников Русско-японской войны: «1904—1905. Да вознесёт вас Господь в своё время».

Из перечисленных выше четырёх исторических событий защита полуострова от нападений японцев в 1904—1905 гг. является, пожалуй, наименее известной. Так вышло, что долгое время её значению для сохранения Камчатки в составе России не давалось должной оценки. Оказались забыты и отважные люди,

действовавшие решительно и самостоятельно, зачастую вопреки складывавшимся обстоятельствам. Они, опиравшиеся только на ограниченные местные возможности, совершили настоящие подвиги, как и их деды в 1854 г., — сумели отстоять далёкий уголок русской земли от вражеского нашествия и, возможно, отторжения.

Оборона Камчатки является единственной крупной военной удачей нашей страны в ходе боевых действий 1904—1905 гг. К сожалению, об этих славных событиях мало что известно не только материковским жителям, но и нашим землякам. Противник не раз высаживался на западном и восточном побережьях полуострова, на Командорских островах, но все эти вылазки были отражены местным населением. При этом было сожжено или потоплено много японских шхун, погибло несколько сотен прибывших на них неприятелей. Наши потери при этом оказались очень незначительны.

Одними из первых события тех далёких лет описали этнограф Иосиф Иванович Огрызко и краевед Вячеслав Петрович Кусков. Художественно, но с некоторыми литературными вольностями их изложил в опубликованном в 1978 г. романе «Богатство» замечательный советский писатель Валентин Саввич Пикуль. По мотивам этого произведения позже снят многосерийный телевизионный фильм с таким же названием. Затем появились научные исследования и популярные статьи, разъяснявшие суть тех давних дел, их значимость для России, как тогдашней, то есть исторической, так и современной. К ним следует отнести очерк старейшего краеведа, почётного гражданина Петропавловска-Камчатского Владимира Ивановича Семёнова «Оборона Камчатки в период Русско-японской войны 1904—1905 годов», опубликованный в 1985 г. В последние годы темой обороны Камчатки деятельно занимается камчатский писатель Сергей Иванович Вахрин. Интересные работы о Командорских островах и их защите подготовлены краеведом Натальей Александровной Татаренковой. Кое-какие сведения можно найти и во Всемирной сети, а также в современных энциклопедиях — электронных и бумажных.

Но, тем не менее, большая часть наших сограждан слабо представляют, что происходило в те годы на камчатской земле. Попыткой чуть-чуть восполнить имеющиеся пробелы является

эта книжка. Даты отмеченных в ней событий указаны по так называемому «старому стилю». Чтобы перейти от него к привычному для нас летоисчислению, нужно прибавить к обозначенной дате ещё тринадцать дней.

Хищники и забытая окраина империи

Русско-японская война началась в ночь с 26 на 27 января 1904 г. внезапным нападением японских миноносцев на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде военно-морской базы и крепости Порт-Артур. Выпущенные торпеды повредили мощные боевые корабли: броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». Они получили пробоины и на время вышли из строя. Этому нападению предшествовал ряд событий, разворачивавшихся на протяжении нескольких десятков лет.

К концу XIX в. ранее феодальная и закрытая от общения с окружающим миром Япония, благодаря проведённым императором Муцухито преобразованиям по европейскому образцу, обзавелась промышленностью и вооружёнными силами. Те существенно превосходили имеющиеся в окружающих азиатских странах. Следствием этого стало вступление Японии в борьбу с европейскими державами за подчинение не только ближайших соседей, но и других дальневосточных и азиатских земель. Своим главным противником в этой части света японские правители считали Россию. Это совпадало с устремлениями и других государств, в частности Великобритании и Северо-Американских Соединённых Штатов, тоже пытавшихся ограничить здесь влияние нашей родины. Поставкой современной техники и флота они способствовали усилению военных возможностей Японии, в чьи захватнические замыслы, в числе прочего, входило включение в состав будущей «Великой Японии» российских владений — Камчатки и Сахалина.

В конце XIX в. интересы России и Японии столкнулись в Корее, уже попавшей под китайское и японское влияние. В ходе

скоротечной войны в 1895 г. Япония нанесла Китаю поражение. По условиям мирного договора между этими странами Китай отказывался от своих притязаний на Корею, получившую условную независимость. По договору в числе прочего к Японии должен был отойти Ляодунский полуостров, но вмешательство России привело к тому, что эта земля досталась ей. Находившаяся здесь очень удобная стоянка флота — военно-морская база, названная Порт-Артуром, не замерзала. Её предполагалось сделать конечной точкой прокладывавшегося в то время Великого Сибирского железнодорожного пути и так получить выход к тёплым дальневосточным морям. Существовавший русский Владивостокский порт имел очень существенный недостаток — зимой его сковывали тяжёлые льды.

Ещё в 1875 г. по русско-японскому договору Японии были переданы восемнадцать Курильских островов, взамен она признала остров Сахалин полностью принадлежащим России. Население Северных Курил, не пожелавшее перейти в японское подданство, было переселено на Камчатку и размещено вначале вблизи Петропавловска, а позже переведено на западное побережье полуострова. Так в устьях одноимённых рек возникли небольшие селения Явино и Голыгино.

В конце XIX в. началось освоение японцами самых северных островов. Ближайший из них — Шумшу — отстоял от нашего полуострова всего на несколько морских миль, будучи отделён от него Первым Курильским проливом. Японское поселение на Шумшу появилось стараниями отставного флотского лейтенанта Сечу Гундзи (иногда пишут «Гунджи»). Незадолго до этого он создал Общество освоения Курильских островов, пользовавшееся поддержкой важных японских правительственных лиц. В 1893 г. Гундзи с несколькими единомышленниками с большим трудом высадился и перезимовал на острове в очень суровых условиях. Но уже через несколько лет здесь были возведены жилые дома, разбиты огороды, оборудована гавань и даже заработал рыбоконсервный завод. Сюда с Японских островов прибывали сотни сезонных рабочих, трудившихся на рыбных промыслах. К началу XX в. колонисты Шумшу стали совершать хищнические набеги (сейчас это называют браконьерством) на южные берега Камчатки. Незаконное использование ими наших рыбных

и пушных богатств, например, попытки добычи на лежище мыса Лопатка ценнейших «морских бобров» — каланов, сочеталось с ведением разведки прибрежных вод и территории полуострова.

Японскому проникновению на Камчатку способствовало и то обстоятельство, что в 1896—1897 гг. на полуострове заработали первые частные рыбные промыслы, открытые русскими предпринимателями. До этого времени огромные рыбные запасы, в первую очередь лососей, самих по природному зову шедших в реки на нерест, использовало в пищу лишь немногочисленное местное население. Оно же заготавливало рыбу как корм для собак — своего основного зимнего вида транспорта и незаменимых помощников в охоте. Первые русские промышленники столкнулись не только с обилием рыбы, но и с отсутствием рабочих рук для её лова и обработки. Поэтому они стали нанимать на свои предприятия японцев — неприхотливых тружеников, природных рыбаков и мореходов.

Помимо наёмных работников, у берегов полуострова появились и самостоятельные японские ловцы. Так, уже в 1897 г. отмечен заход японского судна в устье реки Камчатки, где его команда промышляла рыбу. Последствия этого проявились скоро — в зиму с 1897 на 1898 г. жители 17 острожков (так на Камчатке называли небольшие селения), лежавших выше по течению реки, столкнулись с «недоходом» рыбы: они заготовили на сто тысяч «хвостов» меньше, чем обычно. До этого недоходы случались только по природным причинам.

Вскоре на Камчатку началось настоящее нашествие японских рыбаков. Помимо естественного желания обогатиться за чужой счёт, не всегда встречая отпор, оно стало одним из способов прокормить быстро растущее население собственной страны. Сосредоточенная на небольшой островной территории Япония располагала весьма ограниченными запасами морепродуктов. Поэтому японские промышленники, занимавшиеся рыболовством в чужих водах, получали поддержку своего правительства. Оно, например, приняло закон о выплате «поощрительных премий» за лов в отдалённых морях, в их число вошли омывающие берега Камчатки Охотское и Берингово.

Впервые попав на полуостров, японцы быстро убедились в его потрясающих природных богатствах: помимо великолепной

рыбы, здесь имелось много морского зверя и ценной пушнины. Уже в 1900 г. русские охранные корабли заметили в камчатских водах 48 японских шхун. Они ловили рыбу по подложным, то есть незаконным, выписанным на русских подданных промысловым свидетельствам. На ближайшем к острову Шумшу мысе Лопатка летом этого года нёс службу караул из семи казаков — жителей Петропавловска. Они не давали японцам бить ценнейшего морского бобра, пришедшего на лежбища мыса. А те, пользуясь близостью к своему острову, пытались это делать, отговариваясь, что промышляют «как бы в японских водах».

*Японские рыбаки. Екатерина Богатыренко, 11 лет.
Преподаватель А. В. Буданова, Мильково*

13 июня 1901 г. промысловый надзиратель М. И. Сотников изъясил в устье реки Опалы японскую шхуну «Сейсио-мару». Её капитан не предоставил разрешения на право ведения рыбного лова. К этому времени японцы уже хищничали вовсю. Русские промышленники, арендовавшие береговые рыболовные участки, на деле часто являлись подставными лицами японских дельцов.

На их участках трудились до двух тысяч японцев. У крупнейшей на полуострове отечественной компании — Камчатского торгово-промышленного общества (КТПО) — на 27 рыбалках их насчитывалось до шестисот. Руководили этими рыбаками приказчики, в том числе и из японцев. Таковым, в частности, стал уже известный нам С. Гундзи, одно время служивший в КТПО.

Эти японцы были законными работниками. А помимо них орудовали ещё и хищники, чья деятельность нередко принимала вот такой характер. Две шхуны забросили сети в северной бухте барона Корфа. Смотритель бухты И. Падерин заставил их отойти. Спустя какое-то время он обнаружил хищников, ставящих снасти в другом месте, снова прогнал их. Уходя, японцы оставили записку: «Мы не покоряемся твой, мы сегодня уходи на другой сторона, мы будем убивать твой. Капитан “Исика-мару” Ямасита, капитан “Хака-мару” Ямакава».

В июле 1901 г. капитан парохода «Байкал», собиравшего на западном берегу полуострова рыбу, заготовленную КТПО, насчитал там 32 японские шхуны. На восточном берегу находилось судно русского пароходства Китайско-Восточной железной дороги «Гири́н», отметившее по пути свыше двух десятков иноземных рыболовных судов. «Бросивши якорь в бухте Корфа, имел от казака (И. Падерина. — С. Г.), оберегающего эту бухту от вражеских покушений, письменную просьбу изгнать японских хищников из её окрестностей, чего “Гири́н” за погоду, недостатком времени и неприспособленностью его для этой цели не мог сделать».

Военный транспорт «Яку́т» во время обхода Командорских островов арестовал две японские шхуны, их отвели в Петропавловск. Позже стало известно, что на Командорах и острове Тюленьем в 1901 г. хищники истребили ради дорогостоящих шкур почти девять тысяч морских котиков.

Надо сказать, что некоторые меры противодействия быстрому японскому проникновению, в частности на Камчатку, правительство России всё же предпринимало. Так, 12 июня 1903 г. вступили в силу «Временные правила для производства в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства морского промысла». Они запрещали использовать на рыбалках рабочих, не имевших русского подданства. Поэтому из-за недостатка людей КТПО в этом году арендовало лишь восемь

промыслов. За правильностью ведения лова и недопущением японского хищничества на западном побережье полуострова в это время надзирали промысловые надсмотрщики М. И. Сотников и М. А. Ворошилов.

*Шхуна у котикового лежбища. Анна Владимирова, 11 лет.
Преподаватель А. В. Буданова, Мильково*

А 24 ноября 1903 г. бывавший в молодости на Камчатке наместник царя на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е. И. Алексеев предположил, что если не будут предприняты решительные меры, то полуостров «окажется в руках иностранцев». На этом основании Государственный Совет Российской Империи даже изучал вопрос о выделении северных уездов Приморской области в особую административную единицу, то есть область, с центром в Петропавловске. Но этот вопрос тогда так и не был разрешён.

Объективную оценку сложившегося на полуострове положения высказал заведующий рыбными промыслами Дальнего Востока В. К. Бражников. Он особенно отметил, что Камчатка находится в худшем положении ввиду «неблагоприятных топографических условий, малодоступности побережья и незначительного числа удобных стоянок. Из мест, наиболее удобных для лова, можно указать на Авачинскую губу да на устье реки Камчатки... Камчатский промысел сравнительно молодой, возник он в 1896 г. также при ближайшем участии японцев, но в несколько иной форме. Тут хозяевами промыслов являются русские рыбопромышленники, а всё оборудование японское. Промысел ещё не установившийся, но быстро развивается. Местное население в нём участия не принимает, да и сама организация промыслов не требует его, так как всегда можно было найти дешёвых и хороших рабочих в Японии».

В. К. Бражников заявил, что незаконный рыбный промысел процветает как раз на Камчатке. Тут «количество японских хищников с каждым годом становится всё больше и больше, и в последнее время петропавловским окружным начальником было зарегистрировано более ста хищнических судов. Борьба с ними становилась всё труднее, так как они в последнее время перестали повиноваться промысловой полиции и даже стали грозить оружием, стрелять...»

Оказавшиеся на Камчатке японцы обратили внимание и на то, что она очень малолюдна, существующие селения — небольшие, часто имеют всего несколько дворов и далеко отстоят друг от друга. По данным первой Всероссийской переписи населения, прошедшей в 1897 г., в огромном Петропавловском округе (вскоре его переименовали в уезд), входившем в состав Приморской области Приамурского генерал-губернаторства, по площади сопоставимом с современным Камчатским краем, обитали всего лишь 8 365 человек. Это было далеко не точное число, так как не удалось учесть всех «оленных», то есть кочующих коряков. Численность оседлого населения оценивалась в 7 671 человек. На Камчатке в то время имелось 56 селений, в них стояли 836 одноэтажных жилых строений — простых деревянных изб. В «столице» округа — Петропавловске жили всего 398 человек, здесь имелись 74 небольших деревянных здания, из них лишь несколько

двухэтажных, в том числе контора КТПО и уездное полицейское управление. Тогда Петропавловск, по сути, являлся небольшой деревней, а назывался городом только потому, что был административным центром громадной территории, превышавшей своими размерами многие европейские страны.

Не имелось на Камчатке и какой-либо серьёзной вооружённой силы. Регулярные воинские части здесь отсутствовали совсем, несколько матросов срочной (тогда говорили «действительной») службы несли вахты на заработавшем в 1897 г. новом Петропавловском маяке, стоявшем у входа в Авачинскую губу. В числе камчатских обитателей насчитывалось несколько отставных младших офицеров и унтер-офицеров, а единственной полицейской силой, подчинявшейся начальнику уезда, являлась Камчатская казачья команда. В её «посемейном списке» за 1897 г. учтены 647 лиц казачьего сословия всех возрастов, в том числе 339 мужского пола. Из них в Петропавловске жили 46, в Сероглазке — 34, в Халактырке — 10, в Усть-Камчатске — 53 и в Тигиле — 135 человек. Выходит, что имевшиеся казаки распределялись по огромному пространству, не связанному доступными и надёжными путями сообщения. Быстро же получить воинское подкрепление было неоткуда.

Проезжих колёсных дорог в то время на Камчатке не существовало, исключение — грунтовые, шедшие из Петропавловска до Сероглазки и селения Старый Острог (оно же Завойко, ныне — Елизово). Местные обитатели летом перемещались между селениями по рекам на батах (лодках, выдолбленных из целого древесного ствола), пешком и верхом по тропам; зимой — на собачьих упряжках-нартах; на Севере — на оленьих упряжках. Летом, во время навигации, в Петропавловск ежегодно заходили несколько русских пароходов, казённых и принадлежавших частным предпринимателям или нанятых ими. Свои суда имело КТПО. Посещали гавань и корабли Сибирской военной флотилии, назначенные для охраны от хищников берегов полуострова, Командоров и острова Тюленьего. Регулярных плаваний вдоль побережья, способных связать расположенные там селения между собой и с Петропавловском, они не совершали. Также отсутствовала телеграфная, телефонная и радиосвязь внутри Камчатки и между Петропавловском и материком. Вся почта, частная

и казённая, поступала летом на судах, зимой же всякая связь с Большой землёй прерывалась, за редкими исключениями, когда почта приходила нартовым путём по суше, огибая суровое Охотское море.

Никаких печатных изданий, то есть газет и журналов, в уезде не издавалось, типографии не было. Местные сельские жители по мере необходимости извещались из канцелярии петропавловского уездного полицейского управления рукописными сообщениями, адресованными сельским старостам или казачьим командирам. Распоряжения начальства из города до мест доходили спустя неделю, а то и значительно позже.

Всё перечисленное выше наводило японцев на мысль, что завоевание Камчатки не будет слишком сложным...

Интриги, заговоры и добрые дела

Тогдашнее «высшее общество», или «интеллигенция» Петропавловского уезда включала уездного начальника, его помощника, одного-двух канцелярских служащих, уездного врача, смотрителя маяка, заведующего городским училищем, священнослужителей, приказчиков КТПО и частных торговцев, городского старосту и местных купцов. Их время от времени «разбавляли» командированные специалисты, вроде горного или строительного инженеров. В этой среде сложились своеобразные взаимоотношения, основанные на извлечении выгоды из служебного положения и особенностей местной жизни. А к ним относились, например, возможность «запустить» руку в казённый карман, существенно занижить цены на проводившихся в городе пушных аукционах с последующей перепродажей доставшихся задёшево шкур по их действительной — весьма высокой стоимости; торговля с коренным местным населением на ту же пушнину, но не на деньги, а на «мену», зачастую на запрещённое к ввозу в глубинные места полуострова спиртное. Можно было и безнаказанно присвоить чужое имущество, как это сделал, например,

чиновник, коллежский советник Д. А. Павский в отношении умершего в декабре 1901 г. в Петропавловске от чахотки городского старосты купца второй гильдии К. П. Русанова.

О «добросовестности» некоторых должностных лиц в части исполнения ими служебных обязанностей можно судить по такому прискорбному событию. 13 ноября 1903 г. в полицейское управление явились четыре матроса действительной службы, прикомандированные к Петропавловскому маяку. Они жаловались на смотрителя, использовавшего их как личную рабочую силу и даже лишившего жилища и питания. Известно, что этим матросам уездный начальник выдал «заимообразно» 106 рублей и 80 копеек казённых денег. Тем не менее, в начале апреля 1904 г. двое из них умерли. Уездный врач В. Н. Тюшов (современники называли его «лучшим и совершенно добросовестным знатоком Камчатки») заключил, что смерть наступила от хронического недоедания. От него началась цинга — сейчас забытое, а тогда грозное заболевание. Получается, что по личной прихоти были погублены государственные люди — военные моряки.

30 января 1903 г. скончался начальник Петропавловского уезда статский советник П. А. Ошурков, 48 лет от роду. У него имелся заместитель, точнее, помощник — тот самый Павский. Но сейчас он отсутствовал, находился во Владивостоке. Поэтому Камчаткой «правил» простой канцелярский служащий, старший унтер-офицер запаса М. И. Сотников. По малости чина часть местного «высшего общества» за начальника его не признавала, распоряжениям не подчинялась, делала, что считало нужным. Некоторые чиновники полагали, что руководить уездом должен старший по чину (статский советник) — врач В. Н. Тюшов. Дела по управлению громадным уездом были запущены.

Самый большой руководитель на Дальнем Востоке, помимо царского наместника, — приамурский генерал-губернатор — назначил новым начальником уезда Антона Петровича Сильницкого, до этого служившего в Хабаровске в его канцелярии и трудившегося редактором газеты «Приамурские ведомости». Сильницкий хорошо знал историю Дальнего Востока, бывал на Камчатке, описывал её в своих статьях и очерках, отчасти представлял местную действительность. Человек он был честный и принципиальный, но при этом вполне наивный и не име-

ющий достаточного чиновничьего опыта. Позже он вспоминал: «По простоте своей я думал, что приехал затем, чтобы помочь забитым и загнанным камчатским инородцам, этим истинным сынам матери-природы».

По прибытии в Петропавловск Сильницкий довольно быстро восстановил против себя часть «высшего общества», например, тем, что начал бороться со злоупотреблениями, казнокрадством, обманом местных жителей недобросовестными купцами. Он запретил им скупать пушнину до окончания сбора так называемого «ясака», то есть подушного налога, взимаемого государством с аборигенов. Это повысило качество ясака, уменьшив попадание в него второсортных мехов. Изменив сложившийся годами порядок проведения аукционов, Сильницкий сильно поднял (в шесть-восемь раз) цены на пушнину, поставляемую охотниками. Ещё одно направление его деятельности — борьба с пьянством и свободным хождением спиртного по уезду, пагубно отражавшимися на зарботке и здоровье коренного населения. В самом Петропавловске с его несколькими сотнями жителей, включая женщин, стариков и младенцев, имелось пять винных лавок. Собранный уездным начальником городской сход принял «приговор», на основании коего они были закрыты. Впрочем, вскоре на это решение по доносам недовольных торговцев спиртным последовало распоряжение из Владивостока от областного губернатора — немедленно открыть их снова, хотя большого дохода казне они не приносили...

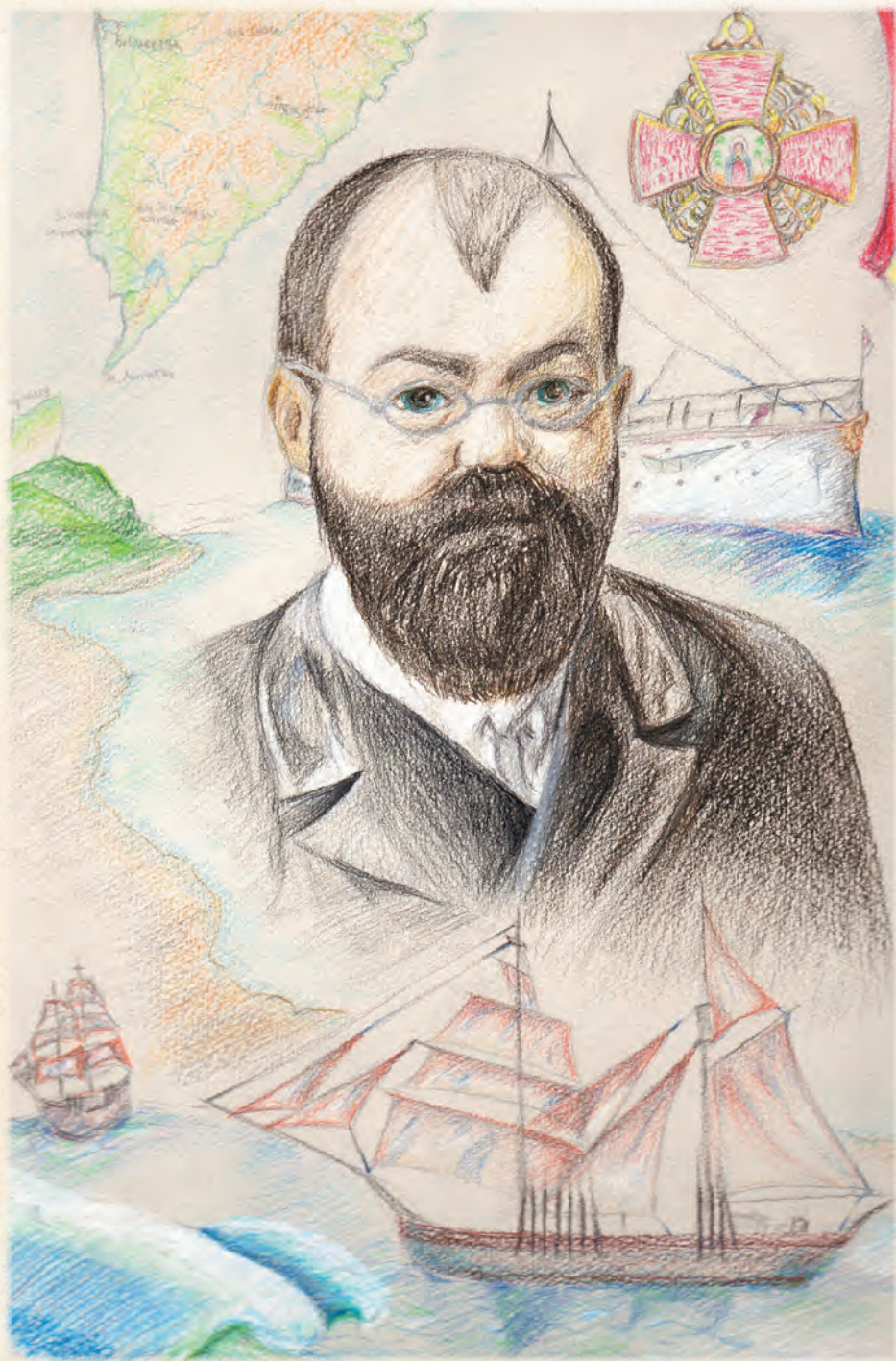
Сильницкий тоже отмечал быстро растущее в уезде иностранное экономическое влияние, могущее перерасти и в политическое. Он высказал вот такое опасение: «...Если японцы навезут необходимых для населения товаров, начнут продавать их по сносным ценам и дадут заработок жителям, скупая рыбу, сало и прочее, чего русскими торговцами не делается (русские ограничиваются только скупом пушнины), население увидит в них избавителей от ига, а отсюда недалеко и до желания перейти в подданство...»

Непростым взаимоотношениям с «высшим обществом» поспособствовали и некоторые особенности характера нового уездного начальника. Одна из первых размолвок, причём прилюдная, произошла у него 1 июня 1903 г. с заведующим городским училищем

Л. Л. Робертом. Об этом свидетельствует составленный в этот день и дошедший до нас акт. Предметом раздора стал обычный стул, его не поделили некоторые приглашённые в училище на торжество по случаю окончания учебного года. Эта размолвка привела к тому, что 4 июня казаки по приказанию Сильницкого «взломали замок у ремесленного класса школы, насильно захватили помещение, положили туда рядом со школьным имуществом имущество полиции и затем запечатали казённой печатью домик...»

С местными же коренными жителями, особенно жившими вдали от города, у него, напротив, отношения сложились замечательные: «Камчатский народ, по-видимому, хорошо понял, какую линию я веду, а потому, насколько скверно относились ко мне в Петропавловске, настолько хороший приём и, главное, доверие встретил я во всех селениях Камчатки». Это совсем скоро помогло делу обороны полуострова от врагов: все распоряжения начальника уезда и его помощников население выполняло точно и быстро.

В середине июля 1903 г. маленький Петропавловск был переполнен японцами. Сюда канонерская лодка Сибирской военной флотилии «Манджур» привезла до двух сотен задержанных в устье реки Большой за хищничество членов экипажей и промысловых рабочих с двенадцати шхун. Сделано это было по просьбе старосты Большерецка, опасавшегося, что чрезмерный лов в устье приведёт к тому, что все расположенные выше по течению селения останутся без рыбных запасов на зиму. Привезённую публику с трудом удалось разместить в пустующем складе КТПО, обустроить и прокормить. Охраняли её четверо казаков. Следует отметить, что вели себя арестованные спокойно и дисциплинированно. Через несколько дней их удалось отправить на пароходе КТПО «Котик» во Владивосток. Прибытие этих японцев там «произвело сенсацию». С подачи японского дипломатического представителя — консула — начались разбирательства. Действия командира «Манджура» и петропавловского уездного начальника были почему-то признаны неправильными. Это снова, наряду с ранее введёнными им пушными и спиртными ограничениями, вызвало раздражение областного начальства во Владивостоке, и оно опять оказалось «солидарным» с петропавловской «интеллигенцией».

*Антон Петрович Сильницкий. Вероника Разуменко, 14 лет.
Преподаватель С. В. Порошина, Мильково*

Камчатский казак. Николай Любимов, 12 лет.
Преподаватель А. В. Буданова, Мильково

Между прочим, на каждой из задержанных шхун, кроме рыболовных снастей, были обнаружены фотоаппараты, инструменты для измерения глубины моря и картографического описания береговой черты. По свидетельству Сильницкого, «на японских картах Камчатка и прибрежная полоса Приморской области окрашена в один цвет с Японией. Об этом мне говорил командир “Манджура” барон Раден, видевший такие карты на японских шхунах. Кроме того, почти на каждой шхуне было по два-три японца, не принадлежащих к составу экипажа и называющих себя “туристами”. “Туристы” эти занимались фотографированием и съёмкой берегов (составлением карт. — С. Г.). Тем же занимались на пароходе “Амур” вице-консул Судзуки, ехавший с ним советник японского министерства торговли и земледелия и ученик какой-то школы. В Петропавловске, в кают-компании, происходили совещания... на которые являлись японцы, жившие летом в Петропавловске и занимавшиеся съёмками окрестностей. В одном из таких лиц помощник начальника уезда признал жандармского офицера из Хакодате». Всё это указывало на весьма деятельно ведущуюся японской стороной разведку протяжённых камчатских берегов.

В конце октября 1903 г. в Петропавловск пришёл последний пароход закрывавшейся навигации, привезший сапёрного штабс-капитана Вячеслава Ростиславовича Векентьева. Его командировали для проведения геодезических съёмок, наблюдения за ремонтом казённых зданий и попутно назначили помощником уездного начальника. В то время он оказался единственным на Камчатке офицером, как сам указывал, «с достаточной теоретической подготовкой», к тому же имевшим боевой опыт — в 1900 г. участвовал в так называемой «Китайской войне», был ранен.

Как говорилось выше, Русско-японская война началась 27 января 1904 г. без официального объявления — внезапным нападением японского флота на порт-артурскую эскадру. 30 января 1904 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор А. М. Коллюбакин отправил в подчинённые ему уезды, в том числе Петропавловский, официальное сообщение об этом. Он также предписал уездным начальникам «установить строгий секретный надзор за проживающими в крае японцами». Предложил «поставить их в условия, чтобы не могли вредить

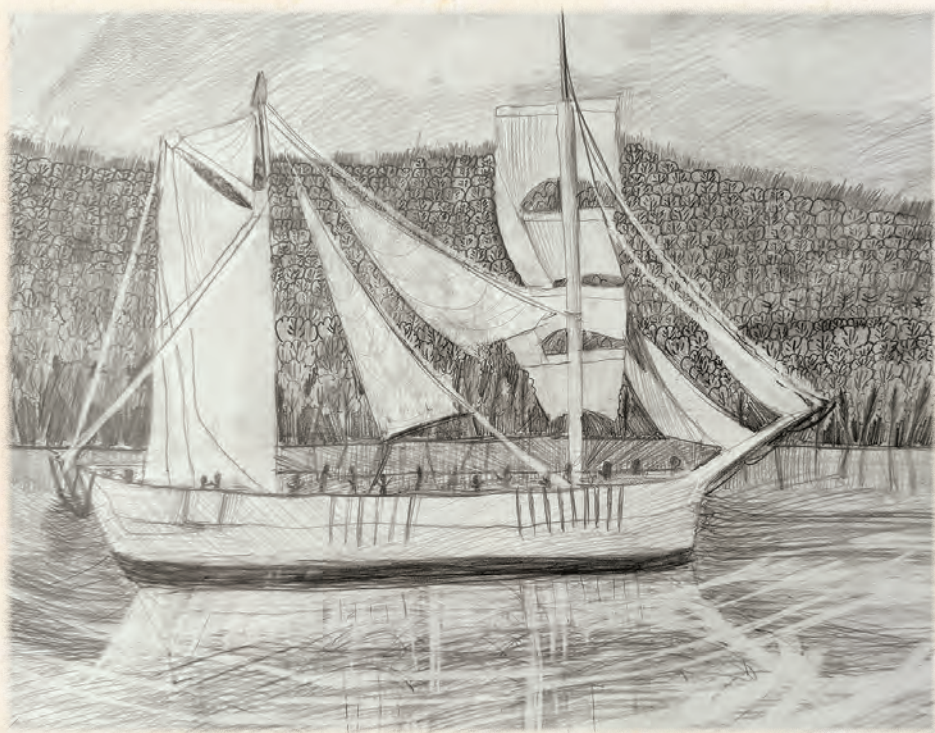
населению. Во всём остальном японцы должны находиться под защитой и покровительством законов Российской Империи». Губернатор распорядился перед открытием навигации отослать японцев из Петропавловска «вглубь страны». К этому времени в городе уже сложилась небольшая японская колония. Её численности мы точно не знаем, но известно, что ещё 2 июня 1903 г. по доброй воле перешли в православие из «буддийского закона» 26-летний Наотаро Намато, 35-летние Томире Ониси и Тейонатаро Ямамото, 45-летний Иейкаю Тоёма. Их нарекли Владимиром, Иоанном, Иеронимом и Александром. Стали ли они при этом подданными России, тоже неизвестно. (Зато из депеши от 16 августа 1905 г. в адрес военного губернатора следует, что из города во время войны сбежали четверо каких-то японцев. Вполне возможно, что перечисленные выше. Какие они преследовали цели и как сложились их судьбы, мы не знаем. Но после этого случая захваченных в плен иноземцев стали отправлять в глубинные места полуострова.)

*Незнакомая шхуна. София Пилясова, 15 лет.
Преподаватель И. М. Царьков, Петропавловск*

В конце ноября 1903 г. А. П. Сильницкий отправился в уезд за ясаком. При этом никого из торговцев с собой не взял, чем снова нарушил давно сложившиеся «обычаи»: доселе объезд начальника для сбора пушнины был и временем аукционов, проводившихся в каждом селении. Поездка завершилась к началу марта, в её ходе было собрано около тысячи самых добротных собольих шкурок, перешедших в казну, а не разошедшихся по рукам торговцев за спирт.

О начале войны на Камчатке ещё никто не знал, официальное сообщение об этом достигло Петропавловска почти через три месяца после его отправки. А тем временем в городе происходили драматические события, связанные с обострившимися взаимоотношениями уездного начальника с частью «высшего общества», недовольного его действиями. Как указывал сам Сильницкий, «чаша терпения петропавловских торговцев переполнилась, и они решили разделаться со мной».

*Японская шхуна в Петропавловске. Мария Хан, 9 лет.
Преподаватель Е. А. Субботина. Петропавловск*

С конца марта по начало апреля недовольные несколько раз тайно собирались, вырабатывая план действий. Они решили объявить уездного начальника сумасшедшим и под этим предлогом отстранить его от должности. Тем самым развязать себе руки для дальнейших нечистых дел. Этот надуманный «диагноз», «установленный» под давлением того самого «высшего общества», 9 апреля 1904 г. озвучил уездный врач В. Н. Тюшов на ночном сходе в больнице.

На следующий день Сильницкий узнал об этом сборище от своих сторонников — Векентьева и исполнявшего должность командира городской казачьей команды Коренева. Он вызвал в уездное управление Тюшова и «объяснил ему тот порядок, который указан в законе на случай душевной болезни чиновника, имеющего в руках ответственные дела и казённое имущество». Затем попросил не вмешиваться в дела по управлению уездом, «тем более что весна уже близко». Календарная весна наступила, речь шла о предстоящем открытии навигации. С приходом первого парохода с «материка» Сильницкий, уже изрядно уставший бороться с камчатскими неустройствами, ждал себе замены.

В ответ по городу поползли слухи, что теперь уездный начальник впал в буйное помешательство, оно угрожает жизни обывателей. Говорили, что сумасшедший руководитель чуть ли не устроил в соборе стрельбу по иконам. Под влиянием слухов священники распорядились вынести из собора ценности, намереваясь уехать с ними на маяк. С учётом приближавшейся Пасхи и большой набожности населения, Сильницкий решил принять меры к недопущению вывоза святынь и прерывания церковного служения. Чтобы не возбуждать недовольства жителей, пришлось даже взять старшего камчатского священника Николая Комарова под домашний арест...

12 апреля Сильницкий издал приказ: «В ночь с 9-го на 10-е апреля сего 1904 г. семь человек петропавловских жителей, не принадлежащих к коренному населению города Петропавловска, будучи недовольны моими действиями по службе, основанными на точных и ясных законах, а потому и совершенно для меня обязательных, позволили себе, дабы воспрепятствовать исполнению лежащих на мне обязанностей по должности петропавловского уездного начальника и сопряжённых с оною властью судебного следователя, учинить тайный стговор,

на котором я, петропавловский уездный начальник коллежский асессор Сильницкий, объявлен сумасшедшим, а потому и подлежащим смещению с упомянутой должности. Сместить меня с должности могут великий государь и наместник его императорского величества на Дальнем Востоке, но уж никак не тайное ночью сборище семи человек...»

Используя вверенную ему власть, Сильницкий прекратил возникший «бунт», при помощи подчинённых казаков арестовав наиболее ярых зачинщиков. Позже так объяснял обстоятельства совершённого: «Моё требование — не собираться — встретило, в конце концов, открытое сопротивление в лице горного инженера Симонова, собравшего в здании больницы своих рабочих. Для этого таковые в ночь с 13 на 14 апреля были экстренно сняты с работ, производившихся в 36 верстах от Петропавловска, и вооружены винтовками, а Тюшов, благочинный Комаров и священник Гуляев выехали из Петропавловска и приступили к непосредственному возбуждению населения.

Вся история окончилась тем, что я арестовал при управлении Тюшова с составлением по сему случаю постановления, в котором подробно изложены поводы к сему моему действию, с подведением таковых под соответствующие статьи закона. Арест Тюшова продолжался около двух часов, причём Тюшов оставил мне особое собственноручное заявление, где признал себя виновным и дал мне ряд обещаний отстать от клики.

Был арестован мною смотритель маяка Косачев, с револьвером в руках желавший прервать выставленный мною вооружённый пост, предназначенный отрезать сообщение больницы с городом и тем не допустить господина Симонова пополнить его рабочих, собранных в здании больницы, петропавловской голытьбой, готовой при обстановке мирного времени за бутылку водки решительно на всё. Господин Косачев пробыл арестованным около 30 часов. Его арестованию и освобождению предшествовали письменные акты, в таких случаях законом указанные». (Городская больница тогда была самым отдалённым от окружного полицейского управления зданием. Она стояла примерно в районе современного спуска с улицы Ленинской к морскому вокзалу.)

Из казённых бумаг следует, что «во время беспорядков в Петропавловске с 13 по 15 апреля израсходовано 39 рублей 80 копеек», но на что именно, не сообщается...

Камчатка готовится встретить врага

Благодаря решительности уездного начальника население удалось успокоить, в городе установился порядок. Но наладившаяся было привычная жизнь вскоре вновь оказалась нарушена. В ночь с 21 на 22 апреля в Петропавловск с материка прибыл казак с «полетучкой», то есть экстренной почтой, доставивший известие о разразившейся войне. Оно не стало особо неожиданным, так как об этом поговаривали уже давно, в том числе и японцы, арестованные прошлым летом на реке Большой.

К полудню «всё население города Петропавловска от стара до мала, а равно и инородцы из внутренних селений страны» собрались в городском соборе на молебен «о ниспослании победы государю императору и его победоносному воинству». Молебен служили настоятель городского собора благочинный камчатских и гижигинских церквей Николай Комаров и диакон Павел Ворошилов.

С приходом известия о начале войны разногласия между начальником уезда, поддерживавшими его помощником В. Р. Векентьевым, канцелярским служителем, а в летнее время — промысловым надсмотрщиком М. И. Сотниковым, казачьим командиром Кореневым, диаконом Ворошиловым и другими, с одной стороны, и противниками Сильницкого — с другой, были отброшены. Все слои местного общества сплотились перед лицом возникшей опасности. Теперь Сильницкий был уверен, что его распоряжения, направленные на приведение уезда в оборонительное положение и создание ополченческих дружин, не будут истолкованы как «акт безумия». Так и случилось. Как он указывал впоследствии, «с удовольствием могу отметить, что к этому решению примкнули и мои враги, которые протянули мне руки и сказали: “Что было, то было, а теперь все будем делать одно дело”».

В этот же день Сильницкий издал приказ № 204, извещавший население о начале боевых действий. Уже первая фраза этого документа свидетельствует о том, что камчатский руководитель не имел достаточного представления о происходившем в мире:

«27-го января сего 1904 г. Россия объявила войну Японии». Как известно, война началась внезапными, без какого-либо официального уведомления, атаками японского флота на русские корабли. Начальник уезда известил: «Все запасные нижние чины, льготные и отставные казаки, а равно и волонтеры от населения приглашаются к формированию дружины для поддержания строгого порядка и тишины в Петропавловске и в уезде. Распоряжается воинской силой штабс-капитан Векентьев. Все жители, невзирая ни на какое лицо, обязываются чинить мне и штабс-капитану Векентьеву полное во всём послушание, обусловливаемое обстоятельствами военного времени. Приказ сей немедленно объявить по городу под расписку, а в копиях полетучкой послать по всему уезду. Верьте, братцы, в бога и царя!»

Теперь Сильницкому предстояло самостоятельно принимать решения по обороне полуострова, не получая никаких указаний от вышестоящего руководства — военного губернатора Приморской области и канцелярии приамурского генерал-губернатора. Причина простая — с открытием навигации следовало ждать разрыва японским флотом пароходного сообщения Камчатки с Владивостоком. Как указывал сам Антон Петрович, «никаких известий о ходе войны, кроме факта её объявления, мы не имели».

На Камчатке, как уже говорилось, не было солдат действительной службы, только несколько десятков казаков Камчатской команды охраняли казённые склады (их называли «магазинами»), несли караулы при пороховом погребе, выполняли полицейские обязанности, наблюдали за порядком. Но в городе хранились четыре тысячи исправных, хотя и устаревших, снятых с вооружения винтовок системы Бердана и 800 тысяч патронов к ним. Их доставили несколько лет назад для замены совсем старых казачьих винтовок. Тогда же на полуостров был отправлен унтер-офицер М. И. Сотников с задачей обучения местных казаков обращению с новым для них оружием. Берданки и боеприпасы хранились в казённом складе, проверялись и смазывались. Их с избытком хватало для вооружения всего взрослого мужского населения полуострова, в подавляющем числе отличных стрелков-охотников.

После молебна в честь дарования победы над врагом все горожане, чиновники, жители окрестных селений собрались

в Петропавловском уездном полицейском управлении на совет для выработки оборонительных мер. Недостаток сведений о происходивших событиях и почти полное отсутствие военных сил и средств вынуждали провести обмен мнениями. Такое общее обсуждение в условиях ограниченных возможностей позволило бы принять наиболее правильные решения. Предложения начальник уезда приказал заносить в специально заведённую для этого книгу: «Всякому, кто услышит что-либо достойное внимания и относящееся до войны... вменяется в обязанность являться в управление и за полным своим подписанием с обозначением числа, часа и минуты записывать сей слух, не объявляя сей слух никому до записи в книгу. Если кто из граждан города Петропавловска, а равно из жителей Петропавловского уезда имеет предложить ту или иную разумную меру, вызываемую возможностью ежеминутного нападения на нас врага, излагать таковую письменно в книге, которая отныне... будет выдаваема желающему во всякое время дня и ночи». Окончательное решение по всем высказанным предложениям Сильницкий оставлял за собой.

Страницы книги были поделены на две колонки — «Слух или мера» и «Отметка начальника уезда». Первая запись в ней появилась 23 апреля в 15.20 (точное время обозначено в соответствии с решением совета). Её внёс один из первых камчатских рыбопромышленников — А. Т. Зубков, приглашённый КТПО на полуостров как засольщик ещё в 1896 г.

По мнению Зубкова, неприятель мог высадиться в следующих местах побережья: в Петропавловске, районе Апачинского и Коловского перевалов, возле Усть-Камчатска, на реке Ука, в бухтах Столбовой и Чажма, Тигиле. Зубков предлагал перевезти запасы продуктов, имевшихся у населения устьев рек Камчатки и Уки, вглубь полуострова и приказать жителям экономить порох и патроны в преддверии возможных столкновений с японцами.

Из Петропавловска на случай нападения с моря следовало вывезти женщин и детей. Наиболее безопасным местом для них назывался район села Мильково. Продовольствие сюда можно было доставить по реке Камчатке, где в устье имелся паровой катер КТПО. Для вывоза людей из Петропавловска нужно собрать в селениях все собачьи упряжки, за исключением двух, оставленных в каждом местечке «на предмет экстренных сообщений».

Часть незамужних женщин могли, по желанию, остаться в городе «на помощь на перевязочном пункте и для приготовления пищи».

Зубков подозревал англичанина, жившего в Уке, в сговоре с японцами и желании прервать сообщение Камчатки с материковой Россией по суше через Тигильский перевал. Англичанин, приехавший «на собаках из Тигиля в селение Еловку, покупал у моего каюрщика лыжи... при том что у этого англичанина были лыжи не одни... Для какого предмета он закупал лыжи и притом большой запас продуктов и товара? Не имеется ли союза у Англии с Японией против нас, и также не имеют ли в виду они прекратить сообщение с материком?»

Здесь же он первым просил начальника уезда принять его в ополченческую дружину. «Присовокупляю вашему высокоблагородию с сего 1904 г. апреля 23-го просьбу зачислить в вольную дружину защиты нашего батюшки-царя и отечества. *Александр Тихонов Зубков*».

Записавшийся следующим горный инженер коллежский советник Александр Михайлович Симонов, состоявший при Геологическом комитете, уточнил и расширил предложения Зубкова:

«1. ...Население, не способное к самозащите, надлежит вывезти (за исключением желающих остаться при отцах и братьях) вглубь страны, каковою является долина реки Камчатки от Верхнекамчатска до Кирганика включительно.

2. Для беспрепятственного быстрого переселения (пока есть санный путь) следует ныне же затребовать собак и каюров (хотя бы по одному на две нарты, ибо многие женщины умеют каюрить) от Петропавловска до Малки для перевоза населения в Малку, а от Малки до Кирганика — собак для доставления переселяемых из Малки в Верхнекамчатск, Мильково и Кирганик.

3. Часть собак одновременно должна быть задолжена и на перевоз провианта, потребного для пропитания перевозимых в пути.

4. По переправе в долину Камчатки всего населения, не способного к самозащите, собаки должны быть задолжены для доставки провианта в разные пункты по пути от Петропавловска к Мильково и части провианта в самое Мильково... чтобы этого провианта хватило на пропитание до подвоза провианта из нижнекамчатских складов КТПО.

5. Из складов... общества у Нижнекамчатска затребовать отпуск провианта в возможно большем количестве, и таковой батами по реке, на собаках, пока есть путь по берегу, и व्यючно на собаках, лошадях — где как возможно — доставлять главнейший в Мильково, а равно и в Кирганик и Верхнекамчатск.

Такие меры будут весьма полезны, с одной стороны, на случай, если бы потребовалось оставшимся жителям в Петропавловске и других селениях бежать от врага, то удаляющиеся всегда по пути находили бы продовольствие, и это облегчило бы значительно их удаление. А с другой — если бы по воле божьей суждено войне окончиться скоро, то таковое перемещение провианта не оказалось бы вредным, а наоборот, принесло бы пользу населению Средней Камчатки, жители которой почти всегда терпят нужду в провианте.

Для приведения в исполнение всего мною изложенного я, как состоящий на государственной службе, предлагаю лично свои услуги, как по переправе жителей и провианта, распределения по пунктам того и другого, так и для приведения в исполнение и иных распоряжений уездной власти в районах Средней Камчатки».

В качестве помощников инженер просил назначить одного из работавших с ним горных мастеров и Зубкова. Ему Симонов намеревался поручить руководство отправкой людей в Малки и обратную доставку пустых нарт.

В. Н. Тюшов предложил раздать населению казённые винтовки и патроны. «Будет неверно сказать, что каждый человек нашего населения имеет ружьё. И не каждый... кто имеет винчестер или берданку, тот патронов имеет крайне мало, рассчитывая только на охоту за медведем... Поэтому раздать теперь же весь запас ружей и патронов полагаю своевременным и полезным, буде придётся вести и у нас в Камчатке войну». Он тоже присоединялся к мнению о необходимости отправки женщин и детей из города «вглубь страны», где они могли бы находиться в безопасности. Назвав японцев «макаками», Тюшов заявил, что рассчитывать на их гуманное обращение с населением не стоит. По его словам, «война — война и есть». Предложил оставить лишь желающих женщин, остальные же, по его словам, «будут только помехой».

По всеобщему убеждению, наиболее подходящим местом для отправки населения являлось Мильково. Сюда и следовало

свезти все запасы продуктов, казённые деньги и ценности, в том числе церковные. Кроме того, признавалось, что «каждый человек должен озаботиться сохранением своего достояния — или отправкой внутрь страны, или сокрытием где-либо здесь же, в окрестностях Петропавловска».

В ходе обсуждения оборонных дел высказывались и такие предложения: в случае прихода в Авачинскую губу японского судна сжечь стоявшую здесь шхуну и имевшиеся на складах морского ведомства на мысе Сигнальном запасы угля для пароходов. В случае же если представитель русской власти должен будет отправиться к японцам на переговоры, ему советовали одеться не в парадную форму, а в домашний костюм (тужурку), дабы показать этим своё презрение к врагу.

А вот священник Николай Комаров рекомендовал этого не делать. 27 апреля он записал: «На мой взгляд, приведение такой меры в исполнение, не принеся ровно никакого вреда для неприятеля, который, несомненно, если придёт, то имея с собою транспорт с углём и провиантом, а не будет рассчитывать на чужой предполагаемый уголь, может, однако, принести громадный ущерб нам же самим. С одной стороны, это приведёт японцев в страшное раздражение, и тогда, разумеется, о белом (парламентёрском. — С. Г.) флаге не может быть и речи, и от Петропавловска не останется камня на камне. С другой стороны, вслед за японским судном может прийти наше русское, которое, будучи осведомлено о запасе угля в Петропавловске, может прийти без своего угля... В случае прихода неприятельского судна имеется, кажется, в виду поездка на судно для сдачи Петропавловска представителя административной власти. Такое намерение, на мой взгляд, не может быть оправдано ни с точки зрения международного этикета (ведь мы считаемся культурным европейским народом), ни по своей конечной цели — показать презрение к японцам, но тогда лучше, безусловно, совсем не ездить на судно».

Упомянутые Комаровым слова «белый флаг» и «сдача Петропавловска» следует понимать не как рассуждения о предстоящей капитуляции, а как отклик на возможное предложение противной стороны вступить в переговоры об этом. Дошедшие до нашего времени документы той поры говорят о небывалом патриотическом подъёме и единодушном желании всего

камчатского населения постоять за отечество, да и весь последующий ход событий не позволяет предположить противное. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что отдельные «испугавшиеся» всё же нашлись.

Мнение Комарова поддержал заведующий училищем Л. Л. Роберт. При этом он высказал «свою искреннюю просьбу к петропавловской администрации, что в случае прибытия в Петропавловск японцев или представителей другой какой-либо враждебной нам нации никакой враждебности к ним не выказывать. Это будет самое лучшее, что в данном своём положении мы только и можем сделать».

Священник, учитывая «тягостную неизвестность», в которой пребывало всё камчатское население, предлагал подготовить к плаванию и отправить стоявшую в Петропавловске шхуну «за известием хотя бы в Аляску, где есть телеграфное сообщение с миром. Такое сношение могло бы быть, по мнению моряков, окончено при благоприятной погоде и, принимая в соображения господствующие в настоящее время ветра, в две-три недели... Такое применение шхуны мне казалось бы полезнее её сожжения». Шхуна действительно была снаряжена и вышла в море, но позже и с другой целью.

Наиболее вероятным способом захвата Петропавловска мог стать десант, высаженный прямо в Авачинской губе или на прилегающем к ней побережье. В связи с этим особое внимание следовало уделить наблюдению за морем с Петропавловского маяка и ближайших мысов. Здесь в пределах видимости предлагалось установить сигнальные мачты. Местами их размещения могли стать мысы Бабушкин, Раковый, Сигнальный, «каковые пункты и служили пятьдесят лет тому назад», то есть в ходе славной Петропавловской обороны 1854 г. Передача сигналов посредством мачт была возможна лишь в ясную погоду. Наступающая же весна обычно отличалась обилием туманных дней. Поэтому смотритель маяка Косачев считал более надёжной «шлюпочную сигнализацию». Для её налаживания он просил отдать в его распоряжение две парусные шлюпки с экипажами.

Неизвестное судно с маяка можно было обнаружить в море за 25 миль. Это расстояние оно могло преодолеть не менее чем за два часа. В случае появления противника с маяка

в Петропавловск тотчас же отправлялась бы первая шлюпка с известием об этом. До ковша под парусами она могла дойти за два, а на вёслах — за два с половиной часа. Вторая шлюпка высылалась бы после того, как была определена национальная принадлежность приближающегося судна.

В. Р. Векентьев разделял мнение Косачева, что в туман «шлюпочная сигнализация» будет более полезна, чем любая другая. Её главным недостатком был тихий ход шлюпок, особенно в бурную погоду. К тому же в сильный туман эти судёнышки, не имевшие компасов, могли заблудиться. Туман, окутывавший мысы, мешал передавать с них сигналы и посредством «береговой сигнализации». Правда, оставалась надежда на то, что в непогоду противник не рискнёт входить в губу, опасаясь напоротся на прибрежные камни. Передача сигналов с мыса на мыс длилась не более двадцати минут. Векентьев предлагал предусмотреть три их разновидности (днём подаваемые дымом, ночью — огнём). Первый сигнал обозначал, что на горизонте появилось японское судно, второй — русское, третий — под любым другим флагом. На каждом из трёх передаточных постов нужно разместить по три человека с палаткой, тёплой одеждой и запасом продуктов. Сменять их следовало каждые пять суток.

23 апреля 1904 г. началась запись в ополчение. Это — привычный русскому народу, начиная ещё со Смутного времени первых лет XVII в., способ самоорганизации в военное время при превосходстве противника, наряду со вступлением в партизанские отряды. Самые пожилые камчатцы ещё хорошо помнили ополчение, собиравшееся полвека тому назад, во время событий 1854—1855 гг. Хорошо знал об этом и начальник уезда А. П. Сильницкий, в своё время написавший работу по истории Петропавловской обороны.

Вскоре собранная из горожан, казаков, запасных и отставных чинов армии и флота ополченческая дружина, названная Петропавловской, насчитывала 89 членов. Её Сильницкий рассматривал как свою основную военную силу. Командиром дружины 22 апреля он назначил бывшего штурмана пароходства Китайско-Восточной железной дороги прапорщика запаса Цезаря Жабу (эту необычную фамилию иногда записывают как Жабо или Жабин). Но дружиной прапорщик командовал недолго.

Дружинникам вручили ополченческие кресты, вырезанные местными умельцами из белой жести, с выбитыми на них буквами «КО», то есть «Камчатское ополчение», и цифрами, обозначающими год, месяц и число сбора дружины.

Общей организацией обороны Камчатки занимался В. Р. Векентьев. Позже он назвал своими «славными и честными ближайшими помощниками в этом деле» М. И. Сотникова, старшего надзирателя за охраной котиковых лежбищ на Командорских островах Н. Н. Лукина-Федотова, Ц. Э. Жабу, бывшего чиновника военного ведомства Яунелксена и отставного гвардейского фельдфебеля, сейчас купца, Г. М. Чупятова. Векентьев оценил численность своих боевых сил в 600 человек «плюс всё население Камчатки, способное носить оружие». Основой дружин стали около 60 запасных нижних чинов разных родов войск и служб, живших на полуострове временно или уже устроившихся здесь постоянно, и около сотни казаков Камчатской казачьей команды, как находившихся на действительной службе, так и отозванных из запаса и «льготных» отпусков. Остальными ополченцами стали молодые камчадалы.

*Защитники Камчатки (народное ополчение).
Софья Семашкина, 9 лет. Переподаватель Е. А. Субботина, Петропавловск*

24 апреля из Петропавловска в уезд отправились инструкторы, везшие берданки и патроны к ним. Оружие населению развезли и раздали быстро, так как в это время держалась самая лучшая нартовая дорога — наст, то есть подмороженный твёрдый снег. Население охотно вступало в дружины. Инструкторы показывали приёмы обращения с берданками и учили стрелять из них. До этого камчатские охотники использовали старые кремнёвые ружья и американские винчестеры, но патронов к последним сейчас не имелось.

Ополченческие дружины собирал и М. И. Сотников. Его Векентьев 24 мая официально назначил заведующим обороной западного берега полуострова. Сотникова вызвали из Мильково, где он отдыхал. Он обучил своих людей основам военного дела. На западном побережье были образованы четыре пешие дружины. В состав самой большой — Большерецкой — вошли 74 человека (командир сам Сотников), Тигильской (командир казак Павел Юшин) — 60 членов. Ичинской (66 человек) и Облуковинской (40 человек) дружинами командовал Михаил Карякин. Имелась и одна конная дружина из 18 членов под командой казака Михаила Нагорного. Её использовали для поддержания связи между отдельными отрядами и быстрой переброски людей к местам появления противника. В начале мая почти во всех устьях рек уже стояли ополченческие заставы, наблюдавшие за морем и имевшие связь с близлежащими селениями.

Основной снабженец Камчатки и Командорских островов — КТПО — решило завезти в этом году товары и продукты для продажи населению и мены с ним из Сан-Франциско. 4 мая 1904 г. в Петропавловск пришёл зафрахтованный обществом американский пароход «Редондо», доставивший «полный груз всяких товаров», но часть его оказалась подмочена из-за значительной течи корпуса. На «Редондо» прибыл доверенный общества барон И. Э. фон Брюгген. Искажённо поданные им новости с театра военных действий, из коих следовало, что русская армия и флот разгромлены и война уже проиграна, ошеломили Сильницкого и Векентьева, но не повлияли на их решимость оборонять полуостров.

Сильницкий просил барона не распространять панические слухи, дабы не вносить смуту в умы населения. Этого Брюгген не сделал, зато решил подзаработать: тут же задрал цены на

привезённое продовольствие. Пришлось Сильницкому записывать речи барона при свидетелях, чтобы позже иметь возможность привлечь его к ответственности. 6 мая по этому поводу было составлено особое «мнение». В нём, не зная действительной обстановки, Сильницкий допускал, что потери русских на море и суше могут быть велики, но утверждал, что даже серьёзные поражения не принудят Россию к позорному миру, а сам Брюгген разносит слухи с целью наживы, пытаясь сбить цены на соболиные шкурки.

На «Редондо» передали составленные Сильницким бумаги, адресованные российскому консулу в Сан-Франциско, с подробностями «всех наших камчатских действий по войне», то есть о создании городской дружины, раздаче ополченских крестов, вывозе боеприпасов, продовольствия, женщин и детей вглубь полуострова, установке сигнализации и прочем. Через Америку эти сведения могли достаточно быстро дойти России по телеграфу, что и случилось. 9 мая пароход ушёл.

10 мая Сильницкий издал приказ, где предупреждал, что будет наказывать «ослушников» своих распоряжений. Например, тех, кто, «получивши ополченский крест, не нашел таковой на шапку в знак своей готовности постоять, если это потребует, против врага... которые, дай только им волю, непременно перережут не только нас самих, но и наших жён и детей, разграбят и сожгут наши дома и пожитки». Подтвердил, что «наша сила в единении, в боге и великом государе, и от лица его императорского величества действую я, начальник уезда».

Нашествие и отпор

14 мая с заставы, выставленной в устье реки Большой, заметили первую вражескую шхуну. 16 мая из Большерецка на место отправился отряд из нескольких дружинников (в их числе казак Михаил Нагорный, ополченцы Ксаверий Бируля, Павел Логинов, Пётр Кравченко) под началом отставного казака Алексея Максимовича Селиванова. Ополченцы встретились с охранниками лежбища на мысе Лопатка, возвращавшимися в город на шлюпке. Эти соединённые силы на следующий день, 17 мая, атаковали шхуну. Если ещё в прошлом году прибытие незваных

«гостей» — хищников местное население встречало глухим недо-вольством, то в этот раз в уже настоящего врага полетели меткие ружейные пули. Ополченцы застали японцев врасплох и взяли их в плен, а шхуну сожгли. Дальше же случилось вот что: казаки заметили в отдалении дым и решили, что это идёт врагу подмо-га. Они выстрелили по пленным, «как по врагам, разбойникам и хищникам», и быстро ушли.

17 мая «полетучка» о появлении вышеупомянутой шхуны достигла Петропавловска. В этот же день в район Большерец-ка отправился В. Р. Векентьев с задачей: не дать японцам вести лов. 24 мая с очередной «полетучкой» в городе стало извест-но об уничтожении появившихся врагов. На следующий день уездный начальник приказал дружинникам «на случай появле-ния новых хищников истребить их с тою же отвагою, с какою истреблены и первые хищники. Строго предписываю: никакой жалости к врагу не проявлять, памятуя, что жалость к врагу отечества есть только трусость, которая ляжет на нас позором и бесчестьем».

29 мая Сильницкий по настоянию Тюшова освободил от служ-бы двух казаков ввиду их слабого здоровья. При этом он заявил, что те, кто под предлогом недомогания уклоняются от службы во время войны, — «суть трусы и негодяи». Пояснил дружинни-кам, что трусов в бой не поведёт, даст им «полную возможность уйти из сферы огня, если таковой будет». Выразил уверенность, что «сколько-нибудь порядочный дружинник не воспользуется тем или иным недомоганием, без которого слабая человеческая природа никогда не обходится», вспомнил знаменитых древних спартанцев, в числе трёхсот бившихся со стотысячным персид-ским воинством. При этом упомянул, что японцы «не представ-ляют никакой армии, а представляют единственно хищников, хотя и вооружённых».

30 мая 1904 г. на общем сходе жителей Усть-Камчатска огла-шено его послание здешнему казачьему командиру: «Весть о войне России с Японией достигла Петропавловска 21 апреля около десяти часов вечера. Молебн. Формирование дружины из камчатских казаков, чинов запаса... Это кадр поголовного опол-чения страны, прекрасных охотников, искусных стрелков... Роз-даны ополченческие кресты... Раздача крестов сопутствовалась

прекрасным словом благочинного Комарова, моим посыльным приказом. Слово читалось в церквах и часовнях, приказ — на полевых сходах. Боевые и продовольственные припасы передвигает в глубь страны горный инженер Симонов, вооружает население доктор Тюшов. Организует дружины, устанавливает их службу, в зависимости от вероятных и даже несомненных случаев нападения на Камчатку вооружённых японских хищников, Векентьев. Установлена сигнализация с маяком. Желаящие женщины и дети из Петропавловска вывезены». Быстро сложившаяся Усть-Камчатская дружина из 110 человек стала второй на восточном берегу полуострова после Петропавловской.

*Японская шхуна. Анастасия Усатая, 14 лет.
Преподаватель А. Ю. Кочерина, Петропавловск*

Естественным помощником камчатских жителей в предстоящей борьбе с японцами, по мнению Сильницкого, должна была стать богатейшая природа полуострова. Её «неисчерпаемые дары... рыба, птица... олени, зверь, особенно медведь, огромное количество рогатого скота на западном берегу и по долине реки Камчатки, надежда на хороший урожай картофеля и прочих огородных овощей, старые запасы соли и муки... обеспечивают продовольствие страны на любое время. Сколько бы врага ни

появилось на Камчатском полуострове, откуда бы он ни появился, будем его бить во славу царя и отечества без всякого милосердия и, глубоко убеждён, победим, потому что наш союзник — дикая и величественная природа девственной, бездорожной, гористой, лесистой и болотистой Камчатки. И враг, кто бы то он ни был, сильнее нас в том только случае, если у него есть пушки...»

*Высадка со шхуны. Эвелина Комисарова, 10 лет.
Преподаватель Е. А. Субботина, Петропавловск*

При заходе японцев в Авачинскую губу на парусных шхунах, не имеющих пушек, в случае их приближения к Петропавловску Сильницкий решил дать отпор. Если же появятся настоящие военные корабли, город предположено оставить, ибо защищать его против такой силы нечем. «Вот эти-то пушки и есть единственная причина, что я оставляю Петропавловск, если на его рейде появится неприятельское судно, вооружённое артиллерией». Но в 1904 г. враг к городу не подходил. Боевые действия шли на побережьях. К концу мая организация обороны Камчатки была

в целом завершена. Как раз в это время у полуострова появился враг: с наступлением промыслового сезона сюда привычно потянулись десятки хищнических шхун...

В. Р. Векентьев поручил начальствование над обороной Большерецкого участка западного побережья полуострова (то есть южной части) — Максиму Сотникову, Облуковинского участка (северного) — казаку Михаилу Нагорному. Сам Векентьев с Михаилом Карякиным отправился в Усть-Камчатск. Отряд Сотникова с большими трудностями при весенней распутице вышел в назначенное место. Здесь стало ясно, что японские шхуны появились возле рек Озерной (30 мая) и Опады (7 июня).

30 мая в устье реки Озерной высадился первый настоящий японский десант из 150 человек, но уже не рыбаков, хотя и вооружённых хищников, а отставных воинских чинов под предводительством самого Гундзи. Это была серьёзная сила. Заняв 3 июня селение Явино, покинутое жителями при их приближении, японцы установили здесь дощечку с надписью: «Смысло на этой тын (столб. — С. Г.) писанных слов: именно эта земля уже принадлежит Японии, поэтому кто того трогает это тын будет убиты. Командир японского войска Сечу Гундзи».

Обстоятельства занятия Явино японцами излагаются в донесении местного старосты Дмитрия Игнатьева, отправленном в Большерецк М. И. Сотникову: «...Японцы взяли наше селение и все наши пожитки, и мы остались совершенно без ничего, только взяли на один день. Это было 3 июня. В то время были в селении из стрелков только два человека, а прочие были на охоте, потому что нам неизвестна была война до 30 мая 1904 г., а с 30 мая мы стали на ночь в лес уходить в окрестность селения. 3 июня утром рано японцы подступили к селению и заняли три дома, и видели только 12 человек, [сколько] в домах, нам неизвестно было. Японский народ был военный».

Явино японцы разграбили, скот частью порезали, частью угнали. Четыре с половиной десятка жителей деревушки, в том числе малолетние дети, отправились в единственное ближайшее селение Голыгино по бездорожью, опасаясь на берегу наткнуться на японцев. Они долго — 17 дней — шли через хребты по снегу, по весенней распутице, при начавшемся разливе рек, при

недостатке продуктов. По дороге стреляли медведей, одной туши как раз хватало, чтобы одновременно накормить всех этих вынужденных «путешественников».

4 июня отряд хищников с Шумшу напал на лежбище калачиков на мысе Лопатка. Здесь он попал под пули петропавловских охранников, в перестрелке погибли 13 японцев.

8 июня трое явинцев, видимо, высланных вперёд, добрались до Голыгино, рассказали о захвате и разорении их домов. Голыгинцы вывели из села свои семьи и скотину, оставив для охраны вооружённых мужиков.

Сечу Гундзи. Полина Семенюк, 14 лет.
Преподаватель А. В. Ильина, Елизово

В этот же день северный отряд М. Нагорного прибыл в село Ича. Здесь он пленил японского переводчика, пришедшего договориться с местными жителями об условиях рыбной ловли. В устье реки Ича стояла шхуна с тринадцатью членами экипажа. Нагорный застал их врасплох. Пленным объявили, что при малейшем сопротивлении их расстреляют. Шхуну сожгли, капитана и переводчика отправили в село, а остальных переправили на другую сторону реки. Те решили сбежать, часть напала на

охранников, пытаясь отобрать у них оружие. В итоге их застрелили. Попробовал убежать из Ичи и капитан, Нагорный расправился с ним. В живых здесь остался только переводчик...

13 июня ночью и утром в Петропавловске ощущались сильные толчки. В домах лопались оконные стёкла, с крыш падали печные трубы. Скала, где на посту № 1 несли сторожевую службу казаки во главе с Моисеем Юшиным, растрескалась от подземных ударов, её огромные части с грохотом рушились в море. Но дружинники не покинули свой пост до тех пор, пока не получили на то письменный приказ уездного начальника. Одновременно случилось трагическое происшествие: погиб петропавловский мещанин А. Е. Корнилов, тридцати двух лет от роду. Причина смерти в документах указана так: «убит огнестрельным оружием», без уточнения подробностей. Возможно, произошло несчастье при неправильном обращении с винтовкой.

В этот же день казак Н. Манаков доложил Сотникову, что в устье реки Опалы видел японскую шхуну.

16 июня из Петропавловска вышла и направилась на западный берег Камчатки шхуна под командованием Ц. Э. Жабы. Это не вполне исправное судёнышко с большим трудом удалось подготовить к отправке в море. Сильницкий ожидал, что после начала войны снабжение Камчатки прекратится. Но в городском казённом магазине хранилось 5 000 пудов (то есть 80 тонн) муки, крупы, соли, кирпичного чая и прочих продуктов. Сильницкий решил отправить шхуну на западное побережье с продовольствием и подкреплением для ополченческой дружины. Это судно в 1903 г. изъяли у японцев за незаконный лов и назвали «Марией». На шхуне находились 32 человека — три члена экипажа и ополченцы.

Вот что Сильницкий вспоминал об обстоятельствах отправки «Марии»: «Жаба приступил к конопатке шхуны, к осмолке, к шитью разорванных осеннею бурей парусов, к исправлению руля и к прочим ремонтным работам. Всё делалось средствами, бывшими под руками... Её плавание, могу сказать уверенно, составляет одну из отрадных страниц истории нашей войны с японцами. Утлое судно, кое-как скреплённое на петропавловских “верфях”, отправилось в плавание за тысячи вёрст, рискуя ежеминутно встретиться с японским судном... имея задачей высадить у селения Явинского десант для действия против высадившегося

сильного врага. И шхуна блистательно исполнила свою задачу. Она не только высадила в указанном месте посланных мною дружинников, но и высадила их как раз вовремя, когда наши дружины уже разведывали расположение японцев. Вслед за соединением петропавловских дружинников, пришедших морем, и дружинников, пришедших сухопутьем, наши напали на японский лагерь...»

На дальнейшем пути в Тигиль «Мария» 19 июля была атакована большой японской шхуной. Завязавшаяся перестрелка закончилась для русских удачно, никто из них не пострадал. В этом столкновении отличился житель Петропавловска запасной матрос Пётр Костинский. Он был на «Марии» боцманом. Несмотря на жестокий ружейный обстрел, не терял присутствия духа, управляя судном, успевал отстреливаться сам и ободрял малочисленных товарищей. Вражеское судно было серьёзно повреждено нашим ответным огнём.

Героическое плавание «Марии» завершилось в августе на тигильском рейде: здесь сильный шторм выбросил её на мель. Якоря-кошки не выдержали напора волн, швартовые концы лопнули. Об этом Сильницкий позже писал: «Снаряжение шхуны было самое плачевное, да и сама шхуна — из старых, японской постройки. Даже потерянные якоря были взяты на время у КТПО, не будь складов означенного общества, снаряжение шхуны было бы немыслимо. Ещё более было бы немыслимо отправление шхуны, если бы не нашёлся такой смелый шкипер, как Жаба». Сам Жаба вспоминал, что у Тигиля увидел зафрахтованный в Америке пароход «Минеола». Когда же во время бури шхуну стало сносить к берегу, несмотря на просьбу, помощи с парохода не получил, почему и потерял «Марию». Попытки стянуть шхуну с мели оказались безуспешными. Её корпус разобрали, из остатков решили соорудить шлюпочный сарай. Имущество «Марии» распродали на аукционе местным жителям, имевшим большую нужду в посуде, тросах и поделочном железе...

18 июня побывавший на разведке в Явино и Гольгино А. М. Селиванов сообщил М. И. Сотникову, что в реке Опале шхуна с экипажем в 20 человек промышляет рыбу. В Явино находятся 12 вооружённых японцев, занимают три дома и часовню. На реке Озерной тоже стоит шхуна, японцы обитают на берегу в двух больших палатках, сколько их — выяснить не удалось.

Сотников обратился за поддержкой к местным жителям. Вскоре из Большерецка, Апачи и Малки к его отряду из 17 казаков, составлявших основную ударную мощь, присоединились 55 добровольцев. 24 июня 1904 г. Сотников со своими людьми отправился к реке Опале, где уже находился А. М. Селиванов с «малыми силами».

28 июня ополченцы подошли к неприятельскому «табору». Японцы, обнаружив их, побежали. По ним начали стрелять. В это время Сотников, Селиванов, Иван и Македон Ворошиловы, Иван Панов отправились на шлюпке к шхуне. Казаки под командой Ивана Максимовича Селиванова затаились на берегу напротив шхуны. На ней заметили четверых японцев, вооружённых саблями, их уничтожили. Всего же в этом деле было убито два десятка незваных гостей. Отличился крестьянин селения Паратунские ключи Егор Яковлевич Евойловский (часто его фамилию указывают как Ивайловский). Чуть позже он осуществил задуманный Сотниковым план захвата вдохновителя и организатора взятия Камчатки Сечу Гундзи.

8 июля в устье реки Ичи вошли уже четыре японские шхуны. В соседней реке Колпаковой находились ещё три.

11 июля люди из отряда Сотникова провели первую разведку окрестностей Явино. Селение они нашли разграбленным, скот угнанным, дома частично разрушенными и с разбитыми окнами, часовню осквернённой. Вернулись в Голыгино. Здесь к отряду присоединилось новые бойцы — подкрепление из Большерецка, уже сражавшееся на Опале, и 16 человек, прибывших на «Марии». 12 июля в японском лагере с подложным письмом о готовности подчиниться побывал Е. Я. Евойловский. Вернувшись, он сообщил, что насчитал 45 ружей, десяток шашек, пять копий и видел пушку. На следующий день к Гундзи отправился староста села Явино Дмитрий Игнатьев. Японский командир приказал ему сдать вместе со всеми селянами, то есть признать японское владычество. 14 июля Гундзи передали очередное письмо, сообщавшее, что жители селения собраны. Это была уловка, чтобы заманить его в ловушку. 15 июля он вместе с отрядным врачом и двумя спутниками отправился в селение, по пути был захвачен в плен.

Подробности событий у Явино позже изложил протоиерей Даниил Шерстенников. По его словам, в удобной бухточке

(лимане реки Озерной) бросили якоря три шхуны. Прибывшие враги разбили лагерь у скалистого мыса, окружённого с трёх сторон морем и рекой. На перешейке они поставили пушки и на случай возможной осады даже соорудили земляные укрепления — ложементы. «На вершине занятого клочка земли взвилось японское знамя, командир объявил страну завоёванной. Затем неприятели проникли в селение, нашли его пустым... Попавшийся крупный рогатый скот они порезали для своего лагеря».

В это время дружинники держали совет: что делать? Точно сил неприятеля они не знали. Сотников склонялся к мысли штурмовать японскую позицию. Один из дружинников, житель Явино торговец Северин Карлсон, швед по происхождению, напротив, полагал, что штурм опасен. Силы ополченцев незначительны: 17 казаков, остальные — камчадалы, расположение неприятеля неизвестно. Карлсон предложил Сотникову пуститься на хитрость, дабы разведать силу японцев. Для этой цели избран был один камчадал, облачён в рубище. Его выдали за работника Карлсона, присланного из Петропавловска к японцам с письмом на английском языке. В письме Карлсон обращался с просьбой о помощи его семейству, оставленному в окрестностях Явино, бедствующему и болеющему цингой. Он убеждал японского командира дать хлеба и лекарств, в благодарность за помощь обещал сообщить важные сведения. Пока Гундзи будет читать письмо, посланцу следовало внимательно осмотреть вражеский лагерь, вооружение, пересчитать людей.

Получивший послание Гундзи решил отправить куль муки и медикаменты, передал камчадалу пространное воззвание ко всем береговым жителям, в коем убеждал их присягнуть японскому императору и обещал различные привилегии. Разведчик благополучно возвратился обратно и сообщил, что хотя японцы не дали ему рассмотреть расположение лагеря, но он успел заметить, что их не меньше ста, они в солдатской форме, вооружены ружьями и саблями. Тогда разведчика отправили с новой просьбой от имени семейства — прислать врача для осмотра больных. Японский врач высказал своему командиру опасение: не угодить бы в ловушку, но тот приказал собираться в путь и отправился вместе с ним. Конечно же, они попали в засаду и были взяты в плен. Их отправили вначале в Петропавловск, а оттуда — в селения Коряки и Мильково, где они прожили полтора года, до конца войны.

*Явинский староста Дмитрий Игнатьев передаёт письмо Сечу Гундзи.
Полина Семенюк, 14 лет.
Преподаватель А. В. Ильина, Елизово*

Понимая, что японцы станут искать пропавшего командира, ополченцы снова устроили засаду. Вскоре в неё попал отряд из 20 человек. Их окружили, они стали защищаться, все были перебиты. Оставшиеся японские десантники оказались в осаде, лишились начальника, врача и значительного числа товарищей.

На допросе Гундзи рассказал, что у реки Озерной находятся три японские шхуны, 88 человек, 50 винтовок, две сигнальные пушки. Он привёл и содержание своей речи, обращённой к явинским селянам. В ней возложил вину за войну на нечестных русских чиновников, в особенности на наместника царя на Дальнем Востоке Алексеева, сделавшего «очень нехорошо» для Японии, Китая и Кореи, почему Япония и была вынуждена начать воевать.

На следующий день, 16 июля, М. И. Сотников издал приказ, в частности гласивший: «...движемся на Озерную. Возьмём с собой двух пленных японских переводчиков, пусть скажут там. Если они сложат оружие, то возьмём всех в плен, а если нет — ударим с оружием в руках».

Ночью 17 июля сделано «наступление на передний табор Гундзи». Сотников разделил свой отряд надвое. Часть под командованием Селиванова отрезала японцев от главных сил, ополченцы

Загаинов и Мишланов со своими отделениями остались «в заднем карауле, по кошке». Врагу перекрыли все пути к отступлению. Сотников со вторым отрядом подошёл к лагерю и предложил через пленных переводчиков сложить оружие. Но японцы открыли огонь. Сотников писал: «...В таборе раздался выстрел, потом второй, третий в нашу сторону по нашему отряду, ввиду чего мной был открыт огонь». К четырём часам утра дружинники разгромили врага, убив 17 противников. При этом ранения получили пять ополченцев. Так, крестьянину из Большерецка Алексею Бречалову прострелили левую ногу и левую руку. Матросский сын Николай Хохлов, служивший товарищам примером героизма, был серьёзно ранен пулей в правое плечо. Один из раненых — К. Бируля скончался около семи часов утра. Его по камчатскому обычаю погребли на месте смерти в тундре. (Позже на могиле установили чугунный крест и плиту с надписью: «Здесь похоронен дружинник крестьянин Ксаверий Бируля, убитый на реке Озерной 17 июля 1904 года». Больше ста лет этот памятник являлся единственным напоминанием потомкам о героической обороне полуострова.)

В качестве трофеев ополченцам достались чужеземные символы: японский флаг, сдёрнутый с Явинской часовни, и деревянная дощечка, подписанная вражеским командиром (сейчас она выставлена в Камчатском краевом объединённом музее). Вот что об этом сообщил Сотников: «Эта доска с надписью по-русски прибита к столбу, поставленному на холме в пятистах шагах на северо-восток от Явино. Надпись на доске Гундзи подтвердил лично при нас, подписью по-английски». Кроме дощечки, в разных местах захватчики оставили бутылки с записками. В одной, обнаруженной в окрестностях Явино, была такая: «Мы никогда не будем вас мешать, который покоровивший жители Японскому империи, поэтому никто не бойтесь и возвращайтесь в каждый дом. Командир японской войски *Сечу Гундзи*».

В это же время, в ночь с 16 на 17 июля, отряд М. Нагорного из 55 человек, разделённый на две части (второй командовал М. Карякин) атаковал японцев в устье реки Ичи. Дружинники одновременно напали на два сарая, где расположился противник, застигнув его врасплох. Большинство японцев бросились спасаться, но некоторые начали отстреливаться. Со шхун тоже стали стрелять, не причинив нападавшим никакого вреда.

Вскоре шхуны снялись в море. В этой схватке японцы потеряли убитыми более 50 человек. Дружинники захватили три винтовки и патроны. Рыболовные снасти были сожжены, привезённая для заготовки рыбы соль выброшена в море.

Отличившийся отрядный командир имел весьма суровый нрав, и не только по отношению к противнику. Так, его сильно боялись жители селения Ича. По их словам, он изъяснялся «всякой бранью, какую мы не слышали; вынет саблю, замахивается и говорит: зарублю. Мы скорее от казака Нагорного убежим, нежели от японцев, мы японцев идём бить, так не боимся, как Нагорного». Боялись камчатские аборигены и другого командира — отставного старшего унтер-офицера Леонтия Кузьмина, отличившегося в бою у Явино. Тот частенько распускал руки, в частности, за нерадение, по его разумению, доставалось облуковинскому старосте...

Ополченцы передают М. И. Сотникову японский флаг и табличку.
Дарья Вакушина, 14 лет.
Преподаватель А. В. Ильина, Елизово

22 июля дружинники М. И. Сотникова разведали подступы ко «второму табору» у реки Озерной, то есть к основным силам неприятеля. Этот лагерь располагался на открытой местности, приблизиться к нему незаметно оказалось невозможно. Его Сотников атаковать не решился, объясняя это малочисленностью своего отряда, недостатком провизии и пришедшим сообщением, что японские суда появились и на реках Колпакова и Ича. Русский отряд направился на север.

Отряд М. Нагорного тоже двинулся в селение Колпаково. В это время здесь в реке стояли уже девять неприятельских шхун. В ночь с 26 на 27 июля дружинники (80 человек), снова разделившись надвое, напали на существенно превосходившего противника. Первая часть отряда перегородила устье, вторая наступала сверху по течению. Японцы были обращены в бегство, но спаслись только на одной шхуне, остальные тоже были сожжены ополченцами. Всего у Колпаково насчитывалось до двухсот японцев. Все, кто не сумел уйти на единственной уцелевшей шхуне, были убиты, в плен их не брали...

Герои и злодеи

18 июля в Петропавловск пришёл зафрахтованный КТПО американский пароход «Минеола», загруженный продуктами, товарами и углём. Пристани, имевшиеся в порту, пришли в полную негодность. Глубоко сидевшее в воде судно к ним приблизиться не смогло. Привезённое пришлось перегружать на кунгасы, а уже с них поднимать на пристань и оттуда носить в магазин.

Вообще-то для хранения казённого продовольствия в Петропавловске имелись два деревянных магазина. Первый, четыре сажени в длину и три в ширину (сажень равна 2,13 метра), был построен много лет назад. Сейчас он стоял пустым, потому что почти развалился. Второй — размером шесть на четыре сажени, давно не чинился, тоже был весьма плох, наклонился, грозя падением, и держался лишь благодаря подставленным к накренившимся стенам подпоркам. Это деревянное сооружение возвышалось над землёй на стойках, его доски легко прогрызали крысы.

А их тут пребывало непомерное количество! Зловредные зверушки портили мешки с мукой, та сыпалась на пол и перемешивалась с помётом. Горожане каждое утро могли наблюдать, как из склада выползала большая стая крыс, отправлявшаяся на водопой к протекающему поблизости ручейку...

Сдача казённого снабжения с «Минеолы» затянулась на неделю из-за недостатка грузчиков, отсутствия какого-либо оборудования и нераспорядительности служащих КТПО. Зато теперь в Петропавловске имелся двухгодичный запас продуктов. Недоставало только муки, одну часть которой вывезли вглубь Камчатки, другую же (тысячу пудов) — отправили на «Марии» в Гижигу, где, по слухам, начался голод.

На «Минеоле» прибыл уполномоченный Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием северных уездов Приморской области Н. А. Гребницкий, он же начальник уезда Командорских островов. Он, кстати сказать, привёз и тысячу рублей, отпущенных правительством на ремонт казённого склада. Помимо основной задачи экспедиции на «Минеоле» — снабжения края — Гребницкому поручалось выполнение ещё одной деликатной миссии. Он должен был вывезти из Петропавловска Сильницкого, Векентьева и их семьи. Сплетни о болезненном состоянии не только уездного начальника, но и его соратника дошли аж до... Лондона! Гребницкий ссылаясь на пришедшую оттуда телеграмму: «Получил от правления КТПО сведение, что петропавловский уездный начальник Сильницкий признан врачом душевнобольным, совершает насилия. Безопасность жителей не обеспечена и его помощником Векентьевым, нервно расстроенным». Эти же слухи добрались и до столицы империи — Санкт-Петербурга, где и решили отставить Сильницкого и Векентьева от должностей. Вместо Сильницкого во временное управление уездом вступил привезённый Гребницким Д. А. Павский.

По более поздним словам Сильницкого (1909 г.), появившийся Гребницкий распорядился распустить все дружины, послать с добровольцев «бутафорские ополченческие кресты», отобрать берданки, патроны и сейчас же всё «привести на мирное положение». Антон Петрович писал об упразднении выставленных им сторожевых постов, сообщал, что всем его сотрудникам «было объявлено привлечение их к суду за участие в разбоях

в отношении к мирным японцам, приходившим к нам “ловить рыбу”. Но эти странные по меркам военного времени меры запоздали. Пришлось уполномоченному сообщать в столицу и о бое при Явино, и о пленении Гундзи, и о неприятельских потерях. А в Петербурге, против ожидания, всё совершённое ополченцами-патриотами было оценено весьма высоко.

Разные исследователи позже высказывали соображения, что действия вначале фон Брюггена, во время своего недавнего визита в Петропавловск объявившего Камчатку уже числящейся «под американцем», а затем Гребницкого, якобы извинявшегося перед пленным Гундзи, были вовсе не бескорыстными. О возможном шпионаже, сговоре определённых лиц и как будто заранее задумывавшемся захвате Камчатки делали выводы по тому обстоятельству, что осенью 1903 г. в Токио на рыбопромышленной выставке одновременно находились Гундзи, фон Брюгген и Гребницкий. Говорили и о том, что, дескать, японцам было заявлено о возможном мирном переходе полуострова под власть японского императора. Надёжных документальных подтверждений этому мы не имеем. Но есть и тоже толком не проверяемое указание на то, что Гребницкий при занятии японцами Петропавловска в августе 1905 г. был арестован ими и увезён в Японию...

23 июля А. П. Сильницкий в присутствии особой комиссии, составленной из него самого, Гребницкого, Векентьева и Павского сдал последнему уездные наличные денежные средства в сумме более 21 тысячи рублей и документы. Из них следовало, что на снабжение и отправку «Марии» потрачено почти 5 400 рублей. 30 июля Сильницкий, проводший на Камчатке четырнадцать месяцев, покинул Петропавловск на «Минеоле» вместе с семьёй (самый младший его ребёнок — сын Георгий — родился в Петропавловске 24 ноября 1903 г.). Его и Векентьева, тоже с женой и двумя маленькими детьми, выслали в Охотск. На судне находился и Н. А. Гребницкий.

Высадка на берег в Охотске представляла большую опасность: шлюпке, куда поместили две семьи, даже не снабдив их спасательными средствами, предстояло пройти через бурное речное устье. Во время его преодоления оборвался буксир, шлюпку закрутило, стало захлёстывать волнами и только по чистой случайности никто не погиб. А на это, видимо, сильно рассчитывали

лица, заинтересованные в сокрытии происходивших на Камчатке неблагоприятных делишек. Из Охотска Сильницкий отправился в Иркутск, где прошёл медицинское освидетельствование, естественно, подтвердившее его душевное здоровье. Вернувшись в Хабаровск, он вновь вступил в должность редактора газеты «Приамурские ведомости».

31 июля Н. А. Гребницкий отправил приамурскому генерал-губернатору Р. А. Хрещатицкому телеграмму: «При наличии существующих в Петропавловске условий и при категорическом признании врачом Сильницкого душевнобольным, о чём врач телеграфировал медицинскому инспектору, формального дознания, требуемого законом, не могло быть произведено. Пришлось ограничиться проверкой показаний потерпевших, не предъявляя их Сильницкому». Об упомянутых «потерпевших» можно узнать из другой депеши Гребницкого: «Благочинный передал мне письмо-исповедь Сильницкого, которое может быть помещено в любой учебник психиатрии. Подтверждается, что [он] придумал камчатский бунт, держал под домашним арестом благочинного священника. Последнему, шедшему со святыми дарами, по приказанию Сильницкого угрожал выстрелами казак. По учителю стрелял, арестованы были Тюшов, Симонов, учитель, маячный смотритель, горнорабочие. На время ареста духовенства собор был закрыт. Приказал возбуждать население против интеллигенции. При получении известия о войне обнаружил большую деятельность, собрал ополчение, объявил мобилизацию, призвал запасных, образовал дружину, но не казаков, создал шпионов-жандармов для сохранения тишины и спокойствия...»

По словам Гребницкого, Сильницкий и Векентьев сами «заявили желание выехать через Охотск, куда и доставлены, чтобы ехать далее в распоряжение военного губернатора», то есть руководителя Приморской области.

8 августа «Минеола» пришла на рейд Явино, 11-го — в Большерецк, 12-го — в Облуковино. В этих местах выгрузиться ей не удалось. Селения казались пустыми: против обычая их жители к пароходу не выехали. Вероятно, они приняли судно за вражеское, ведь совсем недавно ополченцы сражались здесь с японцами. «Минеола» двинулась к Тигилю. Утром 23 августа на подходе к селению, находясь в десяти милях от берега, она налетела

на подводную скалу, получив три сильных удара. В трюмы стала поступать вода. Попытки разгрузить пароход и снять его с камней не удались. К ночи его стало сильно бить о скалы. Людей пересаживали в шлюпки, в половине второго ночи 24 августа капитан и старший механик последними покинули «Минеолу». К пяти часам утра её экипаж и пассажиры благополучно прибыли в устье реки Тигиль. (Колокол с «Минеолы» ныне выставлен в Камчатском краевом объединённом музее.)

История с «Минеолой» является ещё одной загадкой в цепи многих таинственных событий, сопровождавших эту войну. Ходили слухи, что никаких припасов она не привезла, зато это старое судно было застраховано на очень приличную сумму. При этом сообщалось, что на нём погиб «казённый груз», то есть дорогие шкуры командорских морских котиков, хотя они вроде бы были отправлены в Америку на «Редондо». По словам Сильницкого, «Минеола» шла на Камчатку «только затем, чтобы безопасней для людей “наскочить на необозначенный на карте камень”. Заслуживает внимания, что в день крушения “Минеолы” в Тигиле появилось английское судно “Альджереин”, которое вообще никогда на западный берег Камчатки не ходит, ибо оно назначается исключительно для охраны командорских бобровых лежбищ». На это судно перебрались Гребницкий, фон Брюгген и экипаж «Минеолы». «И вся эта компания отправилась от “необозначенного на карте камня” во вражескую Японию, откуда проследовала в дружественную нам Америку»...

Тем временем боевые действия на Камчатке продолжались. В ночь с 7 на 8 августа 30 дружинников в устье реки Воровской напали на очередную вражескую шхуну, 13 прибывших на ней хищников были убиты, всё их имущество раздали жителям ближайшего селения. Из оружия на судне обнаружили одну бердану и несколько кинжалов.

Японские суда заходили также в реки Лесновскую, Уку, Ивашку. Побывали и в Лесновском селении. Есть сведения, что тут они даже помылись в бане, а местным обитателям не нанесли никакого ущерба. Жители Укинского селения при появлении японцев ушли в сопки, здесь была разграблена лавка. Японцы промыслили в реке Ивашке, но жителей одноимённого села тоже не тронули, даже продавали им муку и крупу. Десанты высаживались и на

восточном берегу — в Караге и Озерной-Восточной. В Караге дружина не создавалась, здесь сражалось местное население. Японцы потеряли тут три десятка человек, только пятеро спаслись бегством. За лето 1904 г. на западном побережье Камчатки между реками Озерной и Сопочной было уничтожено пятнадцать шхун, большая часть их команд была или перебита, или пленена.

31 августа Н. А. Гребницкий отправил царскому наместнику на Дальнем Востоке генерал-адъютанту Е. И. Алексееву из Америки телеграмму: «Командорские острова осаждаются японскими и английскими шхунами. До 15 июля шхуны стремились на бобровые лежбища, из них две паровые, вооружены пушками. При отражении убито десять японцев, число раненых большое. У нас потерь нет». Зная, что лежбища охраняются, хищники высаживались на берег в темноте или в тумане. На борту шхун имелись запасы сала, им замазывали в корпусах шлюпок пулевые пробоины, нанесённые охраной лежбищ.

Под руководством старшего надзирателя, фельдфебеля запаса Н. Н. Лукина-Федотова (служившего с 1893 г., а с 1903 г. состоявшего в штате Командорского уездного управления) жители острова Медного охраняли огромное береговое пространство «с большим воодушевлением». Они отразили все попытки высадиться на остров, уничтожив 24 врага и многих ранив. Всего же на острова попытались напасть более 30 хищнических шхун. Интересно, что находившееся неподалёку охранное английское судно (похоже, что тот самый «Альджерейн»), прибывшее по ходатайству КТПО перед главным лондонским пушным аукционистом — фирмой «Ламисон и Ко», отметившее в июне и июле 18 японских шхун, никакого содействия прибрежной охране не оказало. Кроме англичан, возле островов появлялся американский сторожевой крейсер «Буффало».

С наступлением осени завершился рыболовный сезон, а с ним и навигация. Камчатка вновь оказалась отрезанной от материка. С побережий в селения вернулись дружинники. В Петропавловске новое начальство в лице исправляющего должность начальника уезда Д. А. Павского встретило их неласково. Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве докладная записка М. И. Сотникова, датированная 10 ноября 1904 г. Павский кричал на него: «За что ты убивал японцев, они же мирные!»

На разъяснения унтер-офицера об уничтожении хищников, заявил, что бывший начальник уезда «сумасшедший и приказы его дурацкие, а Векентьева и тебя повесят, за то, что исполняли его приказы, а правительство понесёт убытки за уничтоженные вами шхуны». О решении наградить участников обороны Камчатки, принятом в столице, на полуострове тогда не знали...

Итогом мер, предпринятых в Петропавловске и других местах полуострова весной и летом 1904 г., стало то, что японцы, понеся существенные потери, не смогли в этом сезоне закрепить-ся на его берегах и «не вывезли из Камчатки ни одной рыбы, ибо таковую охраняли наши дружинники». Тот же Павский 28 ноября 1904 г. доложил военному губернатору Приморской области, что в течение прошедшего лета на западном и восточном берегах полуострова хищничали пять десятков японских шхун. Двенадцать из них уничтожены, убиты более 150 иностранцев.

Основные эпизоды боевых действий в 1904 г. можно дополнительно охарактеризовать, используя составленный 29 декабря 1904 г. А. П. Сильницким «Список лиц, кои заслуживают награды за вооружённое сопротивление японцам занять Камчатку и за споспешествование этому делу»:

Вячеслав Ростиславович Векентьев, штабс-капитан инженерных войск. Занимался непосредственным созданием Петропавловской дружины, наладил её службу, обучил дружинников основным воинским приёмам, собрал на местах «поголовное камчатское ополчение». Установил заставы на устьях рек, где ожидалось появление японцев, наладил конное сообщение застав с селениями.

Цезарь Эдуардович Жаба, прапорщик запаса и штурман дальнего плавания, потомственный дворянин. С 22 апреля до последних чисел мая был командиром Петропавловской дружины. С 1 июня руководил ремонтом и снаряжением в поход парусной шхуны «Мария». Это небольшое судно выполнило важные поручения: отвезло из Петропавловска провизию для дозора, выставленного на мысе Лопатка, и произвело разведку южного берега острова Шумшу, то есть самого «логова» неприятеля. После высадки японских резервистов в селении Явино судно взяло отряд дружинников, участвовавший в бою с десантниками. Бой окончился изгнанием японцев и пленением их предводителя Гундзи. Шхуна доставила провизию в Явино для камчатских ополченцев,

в селение Тигиль для аборигенов и казаков Тигильского отряда, а также в Гижигу, где население, по имевшимся у уездного начальника сведениям, голодало. «Плавание шхуны совершалось при постоянной опасности встретиться не только с вооружёнными японскими шхунами же, но с пароходами, вооружёнными пушками». После войны Ц. Э. Жаба стал кавалером ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Максим Иванович Сотников, старший унтер-офицер запаса. 17 мая отправлен уездным начальником для налаживания обороны устья реки Большой и руководства ею. Когда в Явино высадились японские морские резервисты с двумя орудиями под началом Гундзи, принял командование над ополченцами из соседних селений и Большерецка, всего в числе около сотни. «Удар на Явино, окончившийся пленением Гундзи и изгнанием японцев из этого селения, сопровождался боем с потерей с нашей стороны одного убитым и тремя ранеными, и со стороны японцев — 17 убитыми».

Леонтий Павлович Кузьмин, отставной унтер-офицер. Руководя отрядом дружинников, прибывших на шхуне «Мария», проявил храбрость в бою у Явино, был ранен в шею ружейной пулей.

Александр Михайлович Селиванов, отставной казак Камчатской команды. «При отличной храбрости и распорядительности участвовал в стычках с японцами на реке Большой 15 мая, на реке Опале 6 июля и в бою у Явино. На реке Большой атаковал японскую шхуну на простом бату и лично убил выстрелами из винчестера шестерых противников, яростно защищавших своё судно ружейным огнём».

Егор Евойловский (Ивайловский), крестьянин селения Паратунские ключи, находившийся под следствием за совершённое преступление — убийство односельчанина. Освобождённый из-под стражи, в числе ополченцев Петропавловской дружины сел на шхуну «Мария». После соединения с отрядом Сотникова с опасностью для жизни провёл подробную разведку расположения японцев в Явино и на реке Озерной, участвовал в бою и лично пленил Гундзи. По ходатайству А. П. Сильницкого помилован по «высочайшему», то есть царскому, повелению.

Михаил Нагорный, донской казак. Командуя заставой на реке Кихчик, разбил появившихся здесь японцев, сжёг их шхуну. Уничтожены 13 врагов, двое взяты в плен. Нагорный «лично

разрубил шашкой капитана шхуны, бросившегося на него со штыком».

Григорий Коллегов, священник села Большерецкого. Воодушевлял отряд Сотникова, готовившийся к бою с японцами, засевшими в Явино. 29 июня исповедовал и приобщал весь отряд, отслужил напутственный молебен и в облачении проводил ополченцев за селение, «осеняя его крестом до тех пор, покуда отряд не скрылся из виду». Он, доселе не имевший никаких отличий, отмечен камилавкой, то есть головным убором в виде фиолетового расширяющегося кверху цилиндра без полей — почётной наградой священников.

Иринарх Малахов, священник села Мильково. Участник событий ещё славного 1854 г., он «споспешествовал дружному отклику населения долины реки Камчатки на призыв уездного начальника поголовно встать на защиту родного края от посягательства на оный японцев».

Пётр Карякин, петропавловский городской староста. Всеми зависевшими от него способами содействовал быстрому созданию Петропавловской дружины, разместил её в отдельном помещении, «что дало возможность придать ей характер воинской части с установлением порядка внутренней службы согласно воинским уставам». Начальствовал над дозором, отправленным из города на шлюпках на мыс Лопатка.

Михаил Карякин, петропавловский мещанин. Много помогал В. Р. Векентьеву при организации камчатского ополчения. «Будучи выдающимся охотником, споспешествовал первому благополучно проехать по Камчатке при весенней распутице свыше 2 500 вёрст».

Давид Савинский, урядник Камчатской казачьей команды. В ходе сбора Петропавловской дружины и «поголовного ополчения страны» успешно справлялся с поручениями уездного начальника, обычно выполняемыми офицерами, «чем много помог общему делу».

Северин Карлсон, швед, российский гражданин. Хороший мореход и охотник, был проводником шхуны «Мария» при высадке с неё отряда дружинников в Явино.

Гавриил Подпругин, крестьянин. Отличный знаток Камчатки. Советом и делом помогал при организации застав на устьях рек.

«Кроме поименованных, — писал А. П. Сильницкий, — заслуживают, казалось бы, награды и те, которые приняли участие в стычках с японцами на реках Большой, Кихчике, Опале и в селении Явинском. За неимением документов, каковые 18 июля сего года переданы мною Гребницкому под его расписку, я не могу из опасения впасть в ошибку поименовать отличившихся, но полагаю, что таковых найдётся не менее 25 человек».

В 1905 г. начальником Петропавловского уезда был назначен отставной армейский поручик, а сейчас коллежский асессор Станислав Матвеевич Лех. Прежнему начальнику Д. А. Павскому предстояло служить в Охотском уезде. В начале весны из Охотска на Камчатку выехал В. Р. Векентьев, оттуда же на полуостров отправились Лех и Жаба. 12 мая Векентьев добрался до Петропавловска. На него, как он вспоминал, вновь возложили оборону полуострова. Использованная им тактика повторяла прошлогоднюю. Полуостров снова решено поделить на районы, в каждом — собрать свой ополченческий, на сей раз названный партизанским отряд. В устьях рек всё так же выставлять заставы, в глубине территории создать запасы продовольствия, боеприпасов и медикаментов. Партизаны при удачном стечении обстоятельств будут захватывать приходящие японские суда, с их помощью нападать на другие, занимающиеся хищническим промыслом. Одной из дружин командовал Ц. Э. Жаба, на её вооружении, по имеющимся сведениям, даже имелась старинная медная пушка с десятком ядер. Но в боевых столкновениях она вряд ли применялась: перемещать её по заболоченной тундре было очень тяжело.

20 апреля 1905 г., в ожидании открытия навигации, С. М. Лех объявил весь Петропавловский уезд находящимся на военном положении. Его приказ гласил: «Все запасные, как офицерские, так и нижние, чины призываются на действительную службу и должны по объявлении им сего приказа немедленно представить свои запасные билеты местным сельским властям, в распоряжение коих они и поступят впредь до отправки на сборный пункт». На западном побережье такими пунктами назначены Большерецк и Тигиль, на восточном: от селения Карагинского до Усть-Камчатска — Усть-Камчатск, а для сёл, расположенных в окрестностях Петропавловска, — город.

17 мая в Петропавловск зашёл американский пароход «Монтара» с бароном фон Брюггеном на борту, 20 мая прибыл германский «Степней», зафрахтованный американцем Сторком для скупа пушнины. «Благодаря этому пушнина сильно повысилась в цене. Так, например, соболь с пятидесяти рублей дошёл до ста и более», чему промысловики были очень рады. Но много пушнины Сторку приобрести не удалось: её большая часть прошлой зимой досталась КТПО. Об этом свидетельствует донесение генерала Хрещатицкого, 12 ноября 1905 г. сообщавшего в Санкт-Петербург: «В течение прошлой зимы вся пушнина скупалась в Камчатке исключительно Камчатским торгово-промышленным обществом...» В течение навигации 1905 г. Петропавловск посетили ещё два иностранных парохода.

25 мая 1905 г. правительство России приняло предложение президента Северо-Американских Соединённых Штатов Теодора Рузвельта об организации мирной конференции. Её цель: заключение соглашения между воюющими странами о прекращении боевых действий. С инициативой мирного договора выступила Япония, крайне истощённая войной, несмотря на ряд побед.

2 июня, в ясный тёплый полдень в Авачинской губе появилось судно, обратившее на себя внимание обывателей тем, что «шло смелым обычным ходом. Было видно, что штурман корабля был уверен в себе». Прибывший пароход «Цецилия» нёс германский коммерческий флаг.

По давно заведённому порядку для выполнения требуемых формальностей на «Цецилию» прибыли начальник уезда и врач. Никакого груза на ней не имелось, зато находился некий барон фон Криглштейн, назвавшийся «корреспондентом венских газет» и заявивший, что судно, «не зная, где японская и русская эскадры, разыскивает эти эскадры. Теперь, зайдя в Петропавловск за пресной водой, устремится вновь к предполагаемому месту военных действий между японской и русской эскадрами». От Криглштейна камчатцы «сперва с недоверием, а потом сотчаянием» узнали о разгроме русского флота в большом сражении в Корейском проливе у острова Цусима.

Об истинных целях захода «Цецилии» ни камчатская администрация, ни местные жители так и не выведали. Они гадали,

«были ли это агенты Японии, искавшие остатки нашего флота по уединённым бухтам северных морей? Или это были агенты других государств, которые, пользуясь нашей войной с Японией, посылали свои разведки для ознакомления с северными портами, что могло пригодиться в будущем?» 6 июня «Цецилия» ушла в Николаевск-на-Амуре. В Татарском проливе она потерпела аварию, наткнувшись на мель. Обошлось без жертв.

11 июня начальник уезда С. М. Лех, опасавшийся нападения японцев на Петропавловск, отправил хранившийся в уездном полицейском управлении железный сундук с казёнными деньгами в Старый Острог — селение, отстоявшее от города на 30 вёрст. Какая сумма находилась в этом ящике, точно не было известно ни тогда, ни тем более сейчас. Предполагалось, что в городе остались только небольшие средства на текущие расходы. В здании полицейского управления имелись две денежные кассы: первая — большой несгораемый шкаф общим весом около 50 пудов (более 800 килограммов), вторая — тот самый железный сундук в восемь пудов (130 килограммов).

Столкновения с японцами продолжились с открытием навигации, когда к берегам Камчатки вновь устремились хищники. Первая вражеская шхуна появилась у мыса Лопатка 27 мая, на следующий день пришли ещё четыре. До 15 июня к мысу приближались 12 шхун. В отражении неприятеля здесь показали себя казаки Николай Валынкин, Иван Подпругин, Павел Крупенин, Николай Пинизин, Николай Селиванов, Алексей Черных и кантонист Иван Селиванов.

30 мая две шхуны были замечены на восточном побережье у мыса Бараньего (в районе мыса Шипунского). 6 июня в окрестностях селения Явино отряд под руководством М. И. Сотникова уничтожил ещё одну японскую шхуну. Части её экипажа удалось спастись на шлюпках. В этом бою в числе прочих отличился житель Корякского селения Иван Осминин.

10 июля дружинники Сотникова в серьёзном бою разгромили японцев в устье реки Опалы. Максим Иванович докладывал: «Имел дело с десантом японцев... в числе сорока человек, из которых только семь человек убежали ранеными на шлюпке в море». Здесь в ожесточённой рукопашной схватке дружинник Василий Дехтерев, камчадал из Явино, получил 11 ножевых ранений,

а житель Апачи Гавриил Панов был ранен, отбиваясь от нападения на него трёх врагов. Снова проявил себя Иван Осминин. В бою участвовал и записавшийся в ополчение американский гражданин Эрнст-Гемен Кроимский, выказавший «мужественную храбрость». В этом деле были захвачены неприятельские ружья, в том числе многозарядные американские винчестеры.

11 июля возле устья реки Колпаковой появилась японская шхуна «Котоку-мару» с двумя необычными пассажирами — русскими флотскими прапорщиками Я. Г. Зайончковским и В. П. Потаповым. На Камчатку они попали с Курильских островов, а на привезшую их шхуну — пытались выручить своих товарищей, потерпевших кораблекрушение. У берегов островов Уруп и Итуруп сел на камни английский пароход «Ольдгамия». Это было «призовое», то есть вёзшее контрабанду судно, захваченное моряками 2-й Тихоокеанской эскадры, намеревавшейся прорваться во Владивосток и погибшей в Цусимском сражении 14—15 мая. Экипаж «Ольдгамии» перебрался на пустынный и негостеприимный берег и нуждался в спасении, поэтому прапорщики и отправились за помощью.

Вышло так, что Зайончковский остался на шхуне и был увезён на ней в плен в Японию, а Потапов явился в селение Колпаково и участвовал в действиях местных ополченцев. Те в конце июля отогнали «Котоку-мару», пытавшуюся промыслять рыбу, а за ней и ещё одну шхуну — «Асаши-мару». При этом японцы потеряли несколько человек ранеными и одного убитым, бросив значительную часть груза.

17 июля «взята с бою» вражеская шхуна на реке Воямпольской (Воямполке). Здесь проявил себя как умный руководитель и храбрый боец казак Камчатской команды Даниил Заев.

Вскоре ещё одна шхуна и 11 неприятелей были уничтожены в районе Большерецка. В схватке снова отличился командовавший дружинниками казак А. М. Селиванов. 26 июля у реки Русаковой отражены ещё две шхуны. Здесь хорошо показали себя крестьянин селения Ключевского Григорий Удачин, позже награждённый «за участие и проявленное при этом мужество и храбрость», казак Камчатской команды Николай Помазкин, запасной нижний чин Владимир Котов, житель селения Камаки камчадал Алексей Расторгуев.

Очевидец свидетельствовал о хорошей согласованности действий дружин в 1905 г., например, Колпаковской, Облуковинской и Мильковской, и указывал, что нашёл ополченцев, отличных стрелков, «превосходно организованными и, несмотря на лишения, каждую минуту готовыми исполнить свой долг защиты отечества и биться с неприятелем...»

23 июля в Петропавловск из Сан-Франциско прибыл американский пароход «Австралия». Он привёз грузы для городского казённого склада, Командорских островов и охотского берега, почту и деньги — свыше 25 тысяч рублей, большую по тем временам сумму. Она вместе с другими средствами хранилась в уездном полицейском управлении в негораемом шкафу, опечатанном сургучным оттиском. Ключ от него С. М. Лех держал при себе. На этом же пароходе прибыл Н. А. Гребницкий, «из рассказов коего стало известно, что “Австралия” на пути из Охотского моря в Петропавловск была освещена прожектором японского крейсера “Идзуми”».

Отражение японского десанта. Дарья Вакушина, 14 лет.
Преподаватель А. В. Ильина, Елизово

25 и 26 июля в полицейском управлении прошёл аукцион по продаже мехов, собранных с аборигенов как уплата ясака за 1905 г. Всего «меховой рухляди» продано более чем на 15 000 рублей. Часть её приобрели местные купцы Огородников и Чупятов, заплатившие более 3 000 за сами меха и ещё налоговый сбор. Большую же часть соболиных шкурок снова скупил доверенный КТПО барон фон Брюгген. В нарушение закона он не стал сразу же платить в казну положенное. Оно было получено только в ноябре, благодаря чему и уцелело. Значительная же часть ясачных и прочих государственных средств была потеряна при следующих обстоятельствах.

30 июля с маяка заметили в море силуэт судна. Оpoznать его национальную принадлежность из-за сильного тумана не удалось. В туман тогда ни одно судно входить в ворота Авачинской губы не рисковало. 31 июля на морском горизонте обрисовались силуэты уже двух кораблей. В девять часов утра они, подойдя на расстояние орудийного выстрела, открыли по маяку огонь. Под обстрелом маячные служители разбили сейф, открыть который они не смогли, так как смотритель с ключами находился в городе, извлекли из него 4 200 рублей казённых денег и унесли с собой. Всю сумму позже вернули смотрителю.

Кораблями оказались японские крейсера «Сума» и «Идзуми». Первый был вооружён 22, второй — 16 орудиями. Против беззащитного города были выставлены почти четыре десятка морских орудий, из них четыре шестидюймовых (то есть калибром 152 миллиметра). На обоих кораблях насчитывалось 675 моряков, их численность почти вдвое превышала население нашего города.

«Приблизительно около десяти часов казак Крупенин, выезжавший ранее из Петропавловска на маяк и вернувшийся вследствие услышанной им пальбы обратно, доложил Леху о слышанных им выстрелах, высказав своё мнение, что этими выстрелами обстреливается маяк. Лех приказал ему “вновь отправиться и посмотреть, какое идёт судно”. В 11 часов уже на виду города показалась фигура чёрного судна. Минут пятнадцать Лех продолжал из дому разглядывать судно, флаг коего различить за десять вёрст нельзя, и стал в то же время переодеваться в лучшее платье, предполагая, что ему придётся поехать на судно. По истечении пятнадцати минут он услышал три выстрела

и заметил, что над городом пролетают снаряды. Тогда Лех пошёл в управление спасать кассу, но, придя туда, обнаружил отсутствие ключей, оставшихся дома, вероятно, в прежнем его костюме. Лех вернулся домой, взял ключи, пошёл обратно в управление, но по дороге увидел разорвавшийся близ управления снаряд. Вернулся назад и, опасаясь, что в случае его смерти или плена Камчатка останется без руководителя, уехал совсем из города, бросив кассу, в коей всего было около 40 000 рублей, на произвол судьбы».

Полицейское управление, оно же штаб обороны полуострова, было повреждено снарядами. При этом получил контузию находившийся здесь ополченец мещанин Александр Черных. На сохранившейся с той далёкой поры фотографии хорошо видны большие пробоины в стенах здания, тем не менее, оно устояло. Корабли обстреляли и Мишенную сопку, где располагался ополченческий пост. Во время стрельбы Д. А. Павский, в чью обязанность входило хранение и заведование средствами Командорских островов, успел прийти в управление и вынес лежавший на кассе управления ящик с островными деньгами. Ему помогал казак Камчатской команды Моисей Юшин.

По словам очевидцев, «в момент бомбардировки в городе началась паника, и в тот же день из Петропавловска выехал и начальник уезда Лех, успевший в общей панике захватить и спасти денежные книги, гербовые знаки, актовую и вексельную бумагу и другие казённые ценности, в том числе и кассу Командорских островов, хранившуюся, как оказалось, не в железном шкафу, а в отдельном ящике, который стоял наверху железного шкафа, а также и шесть бобровых шкур». Эти шкуры были добыты охранниками как плата за охрану лежбища на мысе Лопатка.

Управление посетили Гребницкий и врач Тюшов, отметившие, что касса тогда была целой и запертой, а в здании никого, кроме одного пьяного казака, не имелось. А спустя несколько дней после ухода из города японцев оказалось, что касса разбита, а деньги исчезли. Позже Лех объяснил, почему он не спас их. Его слова подтверждались показаниями других свидетелей и материалами расследований, проведённых в этом же году А. П. Сильницким и в 1906 г. чиновником А. В. Сухановым. «Лех при первых выстрелах бросился к себе в дом за оставшимся ключом от железного шкафа и возвратился обратно в полицейское управление. На это

должно было потребоваться не менее пятнадцати минут времени, что совпало с моментом наибольшего разрушения снарядами здания полицейского управления, когда была явная опасность быть убитым от падающих и разрывающихся снарядов. Обстоятельство это подтверждается и собранными сведениями через опрос лиц, видевших лично сию картину разрушения здания управления от снарядов. Разрушенный японцами железный шкаф указывает на то, что японцы с большим усилием взломали его, не имея возможности взломать запоры шкафа».

(С. Гундзи, побывавший в Петропавловске уже после войны, летом 1906 г., рассказал, что по возвращении в Токио узнал о взятии его соотечественниками «значительной денежной казны, принадлежащей русскому правительству». Об этом командующий отрядом японских крейсеров, напавшим на город, подал официальный рапорт своему морскому министру.)

При обстреле города, кроме здания полицейского управления, были повреждены несколько частных домов и деревянная часовня на братской могиле защитников города в 1854 г. Пострадало и городское училище, находившееся неподалёку от управления. В его окнах лопнули 15 стёкол.

Защищать город было некому и нечем. По одним сведениям, Петропавловская дружина в это время находилась на западном побережье полуострова, на месте оставались несколько казаков и ополченцев, старики, женщины и дети. Другой очевидец, впрочем, бывший в то время подростком, значительно позже вспоминал, что ополчение «во время бомбардировки Петропавловска японскими крейсерами первым удрало из города и впереди со своим начальством бежало среди охваченного паникой населения». Оставим эти слова на его совести и напомним, что ещё в прошлом году было решено, что в случае появления боевых кораблей население во главе с начальником уезда оставит город. Так сделали и сейчас, перебравшись в Старый Острог. Петропавловск, как и полвека тому назад, летом 1855 г., на короткое время был занят вражеским десантом.

Но покинули город не все. Например, остались Н. А. Гребницкий и приказчики КТПО. Позже А. П. Сильницкий с чужих слов сообщил, что съехавшие на берег японские офицеры были приглашены Гребницким на обед, «на котором, по рассказам, было

очень весело». Есть свидетельство и о неблагоприятном поведении учителя Л. Л. Роберта, принимавшего у себя японцев и ездившего на их корабли, говорившего им, что на Камчатке никаких войск нет, а имеются только одни дружины. (Противник был уверен, что на полуостров уже доставлена русская пехотная часть.) Он же обратился к С. М. Леху, убеждая его освободить всех пленных, особенно Гундзи, и передать их на крейсера.

*Нападение японских крейсеров на Петропавловск. Нелли Ряховская, 14 лет.
Преподаватель В. А. Белых, Петропавловск*

Высадившиеся две сотни японцев занялись охотой на пасущуюся на городских улицах скотину. «Коров они стреляли из ружей. Здесь же, на улице, они потрошили подстреленных коров и свеживали их мясо. Затем в сопровождении офицеров они обходили дома, где, к их чести, решительно ничего не тронули...»

Намерения занявших город врагов не были ясны. Предполагалось, что они могут двинуться вглубь уезда, в сторону Старого Острога. Находившийся здесь начальник уезда С. М. Лех с имевшимися у него ополченческими силами в этом случае намеревался дать им бой. Высказывались мнения, что его исход может

стать для дружинников печальным ввиду явно превосходящих сил регулярного морского десанта. Но противник выходить по суше из Петропавловска так и не решился.

Крейсеры покинули Авачинскую губу 1 августа и направились на Командоры. Стоявшую в порту «Австралию» японцы увели как «приз» в свой порт Йокосука. 3 августа крейсеры появились на Никольском рейде у острова Беринга. В это время здесь находился пароход «Монтара». Снова высадив десант в 200 человек, японцы заменили на здании уездного управления Командорских островов российский флаг японским. Они обыскивали казённые сооружения, аптеку, лавку КТПО, забрали 15 берданок, использовавшихся караулами лежбищ, три пачки патронов к ним, некоторые документы и землемерные инструменты. При этом не стали изымать два десятка винчестеров, получив разъяснения островного врача Ю. Г. Мартинсона, что это не боевое, а охотничье оружие, необходимое островитянам для добычи пропитания. Хранившиеся в кассе деньги не тронули. Затем, спустив свой флаг и забрав сброшенный русский, вернулись на корабли. На следующий день, 4 августа, перед уходом от островов, японцы конфисковали «Монтару». На ней были увезены казённые медикаменты, присланные для обитателей острова Медного.

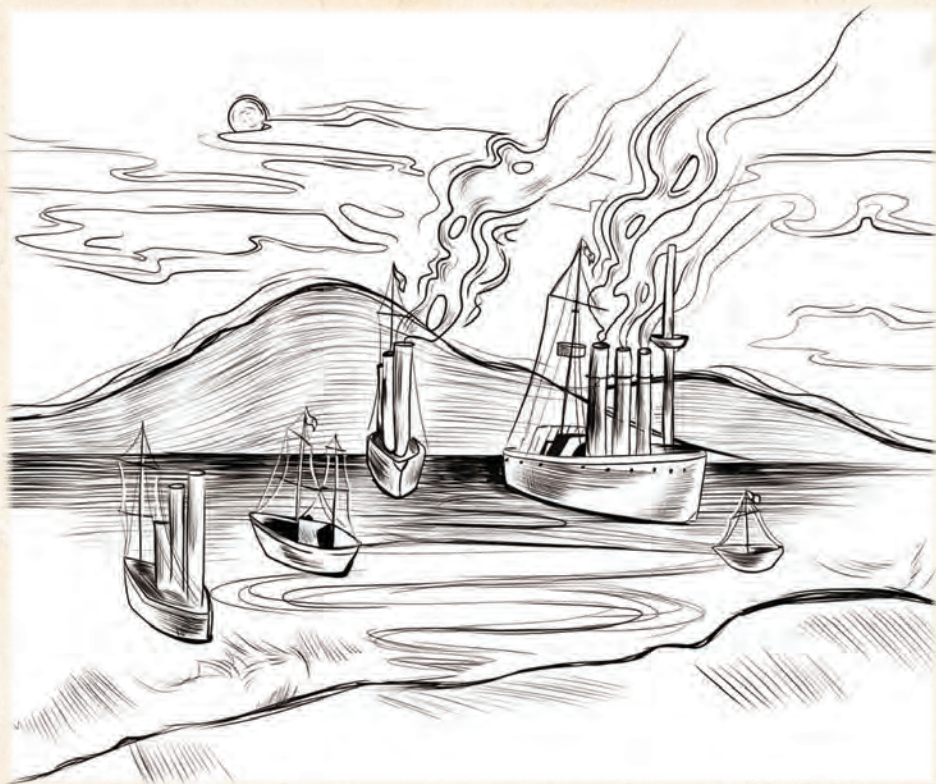
6 августа вражеские корабли вернулись в Петропавловск. За время пребывания здесь экипажи разрушили казённый и некоторые частные склады, уничтожили документы уездного полицейского управления. (Похоже, что именно это обстоятельство и стало причиной неясности для нас сейчас многих тогдашних событий.) 7 августа 1905 г. в четыре часа дня крейсеры ушли...

Последний бой и мир

Спустя неделю после ухода японцев население и уездное начальство вернулись в город. Тогда и выяснилось, что продуктов и товаров расхищено и уничтожено почти на 16 500 рублей, в том числе 283 пуда и 23 фунта (более 4,5 тонн) казённого пороха. Японцы разбивали бочонки, порох из них рассыпали, от-

дельные бочки целыми бросали в Петропавловский ковш. Был уничтожен почти весь свинец — рассыпана хранившаяся в ящиках ружейная дробь. На крейсера забрали значительное количество съестных припасов, часть их повредили. Разбили бочки с уксусом, разломали ящики, где хранились жестянки с керосином, много его разлили.

Впрочем, государственные склады грабили не только пришельцы-враги. В одном из составленных в 1906 г. документов сообщалось, что «в первые шесть дней после того как японцы оставили Петропавловск, до возвращения в него администрации, некоторые из жителей Петропавловска воспользовались возможностью безнаказанно попользоваться частью продуктов... Формального расследования по этому поводу произведено не было...» В частности, расхитителем из местных обитателей называли некоего К. Овчинникова.

*Японские крейсера в Петропавловске. Кристина Максимова, 15 лет.
Преподаватель Н. Г. Перфилова, Елизово*

9 августа в американском городе Портсмуте между представителями России и Японии начались мирные переговоры. В этот же день к мысу Сопочному подошли три шхуны, 12-го появились ещё три.

13 августа временным комендантом города (такая должность уездными штатами не предусматривалась) по распоряжению С. М. Ле́ха стал прапорщик флота В. П. Потапов. Он навёл относительно порядок: наладил выдачу населению продовольствия с рассрочкой платежей, выставил караулы, в том числе и пожарные, и даже отремонтировал повреждённое японскими снарядами полицейское управление. Между прочим, прекратил игру, «представляющую морскую битву русских с японцами», затеянную заведующим городским училищем Л. Л. Робертом со школярами. Вряд ли это было уместное занятие, учитывая, что все морские сражения в этой войне были нашей стороной проиграны, несмотря на самопожертвование и героизм русских моряков.

Дабы убедиться, что ушедшие из города враги не оставили после себя никаких «сюрпризов», были обследованы прибрежные воды. Этим с 16 по 23 августа тоже занимался В. П. Потапов, руководивший матросами И. Ромашевым, Я. Якубом, И. Кузьминым, П. Богданчиковым, Е. Нестеркиным и казаками П. Копыловым, А. Львовым, И. Селивановым, А. Корюкиным, П. и И. Черных. Они протралили фарватер от Петропавловского ковша до маяка и мыса Ягодного, а также Тарьинскую и Раковую бухты. 31 августа Потапов отрапортовал начальнику уезда об окончании работ: «Мин нигде не оказалось, а потому довожу до сведения вашего высокоблагородия, что входы и стоянки вышеупомянутых мною мест совершенно безопасны для всяких судов».

14 августа японцы напали на бобровое лежбище в районе островка Гаврюшкин камень. 21-го числа они вторично появились возле острова Беринга — у Северного котикового лежбища, но теперь не на крейсерах, а на двух шхунах. С одной из них на двух шлюпках высадились 20 человек в морской форме с ружьями. Они направились в сторону караула лежбищ. Старший караула — младший надзиратель И. П. Коровников, не принадлежавший к местным жителям, смелодушничал и спрятался в траве. С японцами разговаривал старший охранник И. Иванов, от них он узнал, что шхуна прислана недавно бывшими здесь крейсерами «охранять

лежбища». По их словам, теперь островами владеет Япония, сюда скоро придёт транспорт с новыми служащими и продовольствием для островитян. Затем они вернулись на шхуну.

На следующий день японцы появились снова, потребовали от караула разрешения на добычу пяти сотен котиков, на что получили отказ. Иванов отправил в село Никольское гонца с сообщением о происходящем. Это он сделал вовремя: вскоре караул схватили и посадили под арест. Оборону острова от непрошенных гостей взял в свои руки старший полицейский надзиратель Дмитрий Филиппович Сафронов. Для этого как раз игодились сохранённые винчестеры.

Сафронов собрал мужиков в церкви и обратился к ним с речью, напомнив о долге по защите родины. Он получил заверение, что все будут сражаться. После молебна тут же собранный отряд двинулся к лежбищу, подобрался к нему около полуночи. Первая разведка никаких сведений не дала. Утром 23 августа Сафронов разделил свой отряд надвое. Одной части удалось освободить арестованных товарищей, японцы при этом обратились в бегство, беспорядочно отстреливаясь.

В это время основные японские силы находились уже на самом лежбище, намереваясь заняться убоём зверей. Рядом с засольным сараем они поставили скорострельную пушку-картечницу. Заметив врагов, алеуты открыли огонь из ружей, японцы ответили из скорострельницы. Тут подоспела вторая часть отрядников, хищники были выбиты с берега, бросились к своим шлюпкам, продолжая стрелять на бегу. Вскоре все они были уничтожены, а один — тяжело ранен. Хотя островной врач и оказал ему помощь, позже он скончался. Трёх оставшихся на шхуне японцев пленили, позже застрелили. Шхуну подогнали к берегу и сожгли, из захваченного вражеского добра оставили только пушку, две сабли и ружья. Позже многих защитников острова наградили серебряными медалями за храбрость, а нескольких — Георгиевскими крестами 4-й степени. В этом бою отличились разведчики Пётр Березин и Дмитрий Ладыгин, оказавшие особенное мужество и храбрость.

По стечению обстоятельств именно в этот день, 23 августа 1905 г., между Россией и Японией был заключён мирный договор. Вполне возможно, что набег вначале на Петропавловск, а затем и на Командоры был предпринят вражеской стороной для того,

чтобы, как говорят сейчас, «улучшить переговорные позиции» перед заключением мира...

В течение навигации 1905 г. японские хищники были успешно отражены и в других местах камчатского берега. В общей сложности наши дружинники сожгли четыре шхуны, уничтожили 47 и ранили троих врагов. При этом сами потерь не имели.

Жизнь на полуострове постепенно вернулась в прежнее русло. 12 сентября С. М. Лех докладывал своему прямому начальнику — военному губернатору Приморской области о необходимости запрещения ввоза на полуостров спиртных напитков, так как купцы, спаивая аборигенов, скупали у них пушнину за бесценок. То есть просил о том, за что так напряжённо, но безуспешно боролся объявленный «сумасшедшим» его предшественник А. П. Сильницкий...

А тот, восстановленный в правах, в чине надворного советника в сентябре был командирован приамурским генерал-губернатором на военном транспорте «Аргунь» на Камчатку и Командоры. Ему поручен сбор сведений о недавнем заходе в Петропавловск японских крейсеров, ревизия деятельности камчатской и командорской администраций. На «Аргунь» во Владивостоке погрузили много продовольствия, в документах на него указывалось, что оно предназначено для дружинников. Больше всего отправили солонины, то есть солёного мяса, и мясных консервов. Они, как показало дальнейшее, населением не востребовались, как достаточно дорогие, ибо камчадалы питались преимущественно рыбой. Избыток этого продовольствия предполагалось вывезти обратно во Владивосток на военных транспортах.

На острове Беринга в присутствии командира «Аргуни» и других официальных лиц был составлен акт. В нём значилось: «Состоящие на государственной службе на Командорских островах заявили мне, Сильницкому, что никто из них не получает содержания по службе, ибо таковое никому из них статским советником Гребницким не выдано...» Денег в островной кассе не оказалось. Трёх тысяч рублей, выданных Сильницкому командиром транспорта, для удовлетворения нужд служащих оказалось недостаточно.

При этом 5 октября Сильницкий подписал акт о наличии в кассе Командорских островов, хранившейся в Петропавловске, более 14 000 рублей. Эти деньги сдал его недруг — помощник начальника уезда Д. А. Павский перед выездом на той же «Аргуни»

из Петропавловска во Владивосток. Павский скончался от водянки на судне в море 27 октября 1905 г. На «Аргуни» Петропавловск покинул и его недолгий «комендант» прапорщик Потапов.

О боевых эпизодах 1905 г. свидетельствует список членов Петропавловской дружины, представленных к наградам за проявленные ими отличия:

Николай Горбунов, старший отряда, отправленного на охрану восточного побережья Камчатки от Петропавловского маяка до реки Жупановой. В устье этой реки отряд разбил хищников и уничтожил их шхуну. Здесь же отличились Николай Шестаков, Фёдор Калинда, Иннокентий Григорьев, Егор Крупенин, Иван Селиванов, Иван Косыгин.

Прохор Копылов и Илья Третьяков в 1904 г. охраняли восточное побережье Камчатки. В 1905 г. оба сражались в отряде Н. Горбунова. Кроме этого, П. Копылов «был под японскими выстрелами и простоял на посту на Мишенной горе целые сутки». Александр Черных тоже был в отряде Горбунова в бою на реке Жупановой. Назначенный для доставки распоряжений штаба обороны, он был контужен при обстреле города.

Моисей Юшин под обстрелом вынес из Петропавловска маячную кассу. *Николай Конев* и *Василий Пинизин* в это время спасали казённую пушнину, Николай Киренский сохранил дела штаба обороны. Казак *Алексей Помазкин* во время обстрела всё время, до самой высадки японского десанта в городе, стоял на своём посту у порохового погреба.

Исследователи по-разному оценивают общее число камчатских ополченцев. Оно колеблется от 450 до 800 человек. В список дружинников, живших в третьем стане Петропавловского уезда, получивших за войну медали, включены 92 камчадала. Это жители селений Кихчик, Воровское, Облуковино, Колпаково, Крутогорово, Коль, Утка, Большерецк, Апача, Ганалы, Малка, Явино, Голыгино.

«Список выдающихся лиц при отражении японцев на острове Медном в 1904—1906 гг.», составленный старшим надзирателем за лежбищами острова Медный Н. Н. Лукиным-Федотовым, возглавил И. Бадаев, сельский староста, старший охранник, временно исполнявший должность младшего надзирателя. Далее следовали старшие охранники А. Зайков, Поликарп и Павел Хабаровы, М. Снигирёв, Р. и И. Хабаровы, Н. Печенков, И. и С. Сушковы,

Л. Бадаев, В. Юрьев, К. Ладыгин. Все они, будучи старшинами караулов лежбищ острова Медный и командирами отдельных отрядов, служили примером для остальных островитян.

Позже И. Бадаев, Е. Григорьев, П. Хабаров, И. Сушков были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени. Известны их номера — с 169 572 по 169 575. Ещё 60 патриотов отмечены медалями с надписью «За храбрость». Их носили на хорошо всем нам знакомой оранжево-чёрной Георгиевской ленте.

Наряду с мужчинами, отличились и девушки-камчадалки. Так, дочери колпаковского старосты Евдокия и Матрёна Вагины, семнадцати и восемнадцати лет, «за усердную и образцовую сторожевую службу в общем наряде Колпаковской дружины» были отмечены серебряными медалями «За усердие» для ношения на Станиславской ленте. В представлении на них, составленном 11 октября 1905 г., указывалось: «...только благодаря этим двум камчадалкам, несшим так усердно и внимательно сторожевую службу, Мильковская дружина не была застигнута врасплох...» Их отец — староста Д. Г. Вагин — тоже получил серебряную медаль за усердие и распорядительность, проявленные при создании дружины и охране камчатского берега.

Поимённый список защитников в 1904—1905 гг. Камчатки и Командорских островов опубликован писателем Сергеем Ивановичем Вахриным. В нём 476 человек, большинство — члены многочисленных семей и даже целых родов. Это лишний раз подчёркивает, что защита родной земли от иноземного нашествия стала для них кровным делом. Из девяти представителей рода Ворошиловых трое за подвиги отмечены серебряной медалью «За усердие» для ношения на Анненской и Станиславской лентах. В списке — имена семерых Мерлиных из Голыгино, Машуры и Толбачика; десятерых Мироновых; девятерых Мохнаткиных; восьмерых Пановых из Шаром, Апачи и Малки.

Один из них — Гавриил Иванович Панов из Апачи — награждён Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней за мужество и храбрость, проявленные им при отражении противника на реке Озерной 17 июля 1904 г. и реке Опале 10 июля 1905 г. Мы видим имена 19 (!) Поповых, восьмерых представителей казачьего рода Савинских, семерых Селивановых. Александр Александрович Селиванов из Большерецка награждён серебряной медалью

«За усердие». Александр Максимович и Николай Ильич Селивановы отмечены Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней; Иван Ильич и Павел Максимович Селивановы — серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени.

Августовские нападения на Петропавловск и разгром хищнического десанта на Командорах стали последними событиями в целом неудачной для нашей страны войны. Одним из условий заключённого 23 августа 1905 г. мирного договора между Россией и Японией, названного Портсмутским, непосредственно касавшихся Камчатки, стало подписание в 1907 г. рыболовной конвенции, то есть соглашения, разрешавшего японским промышленникам на определённых условиях вести лов в российских территориальных водах.

В апреле 1911 г. В. Р. Векентьев вспоминал: «Японцы не ожидали отпора на такой далёкой окраине, никак не могли думать, что Камчатка в главных своих береговых пунктах ошестинится и примет их так негостеприимно. Японцы или забыли, или просто упустили из вида славную эпоху Камчатки в 1854 г. Ещё и по сие время существуют на Камчатке ветераны — свидетели и участники знаменитого Петропавловского боя в 1854 г. Для японцев это была большая неожиданность».

Об этом же говорил, по словам Векентьева, и взятый в плен С. Гундзи, «который хотел преподнести Камчатку микадо (японскому императору. — С. Г.) в дар, но судьба решила иначе: Камчатка осталась за нашим орлом, а водружённый флаг Страны восходящего солнца на Камчатке был сдёрнут и хранится как трофей, а все попытки японцев завладеть берегами стоили им около четырёхсот душ и сорока двух шхун, кои были преданы огню освирепевшими камчадалами».

Тогда взять Камчатку военной силой не удалось. Отныне японцы будут завоёвывать её экономически и к началу 1920-х гг. весьма в этом преуспеют. А навсегда русско-японское противостояние на камчатской земле завершится только в августе 1945 г., когда после ошеломительного разгрома Японии в скоротечной Советско-японской войне нашей стране отойдут и бывшие японские рыбные промыслы, и Курильские острова, в том числе и Шумшу — отправная точка вражеского нашествия на наш полуостров...

Люди и судьбы

(приложение)

А теперь немного о судьбах некоторых участников описанных выше событий:

Антон Петрович Сильницкий. Родился в 1864 г. в Смоленской губернии, надворный советник, поручик запаса. Окончил Московское пехотное училище, с 1894 г. служил в Хабаровске, в 1896 г. вышел в отставку, стал чиновником. Летом 1896 г. посетил Петропавловский и Анадырский округа. В начале 1899 г. был назначен редактором официальной газеты «Приамурские ведомости», автор пяти книг. В 1903—1904 гг. служил начальником Петропавловского уезда. После возвращения с Камчатки вновь стал редактором газеты. Был избран гласным Хабаровской Городской Думы, неоднократно критиковал действия местного начальства, за что подвергался притеснениям. Умер в 1910 г. в сорокасемилетнем возрасте. Есть предположения, что ранняя смерть стала следствием нападения на него. Оставил о себе добрую память, как о «честном гражданине, патриоте края, борце за справедливость, бессребренике». За действия на Камчатке в 1904 г. награждён орденом Святой Анны 2-й степени. Ещё в 1960-х гг. в некоторых исконных камчатских селениях глубокие старики вспоминали его как своего защитника и благодетеля. В 2024 г., в год 120-летия начала Русско-японской войны, избран почётным гражданином города Петропавловска-Камчатского. Объявленный им день сбора народного ополчения — 23 апреля — с 2025 г. является официальной памятной датой Камчатского края.

Вячеслав Ростиславович Векентьев. Родился в 1871 г. во Владимирской губернии, потомственный дворянин, коллежский советник, капитан запаса. В 1890 г. окончил Нижегородский кадетский корпус, в 1892 г. — военное училище. В 1895 г. служил в Восточно-Сибирском сапёрном батальоне, службу сочетал с преподаванием. В 1903 г. прикомандирован к строительному отделению Приморского областного правления во Владивостоке. В этом же году по семейным обстоятельствам уволен в запас в чине штабс-капитана. В 1905 г. — исправляющий должность помощника (он же секретарь) начальника уезда Командорских островов на острове Беринга. С 1907 г. — начальник уезда Командорских островов. С 1911 г. — старший чиновник особых поручений при губернаторе Камчатской области. Занимался прокладкой дорог, телефонных линий, ремонтом зданий и сооружений. В феврале 1918 г. освобождён от службы ввиду реорганизации канцелярии областного правления. Награждён орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами за «отличия, оказанные при защите Командорских островов и Камчатки от нападения японцев», медалью «В память Русско-японской войны 1904—1905 гг.» и ополченческим крестом.

Максим Иванович Сотников. Родился в 1873 г. в Тобольской губернии. С 1893 г. служил в Восточно-Сибирском линейном батальоне. В 1897 г. в чине старшего унтер-офицера направлен в Петропавловск. После увольнения в запас зачислен в штат уездного полицейского управления. Был канцелярским служителем без чина, надзирателем за рыбными промыслами. За заслуги в организации обороны полуострова от японского нашествия произведён в подпоручики запаса армейской пехоты. После Русско-японской войны вернулся к обязанностям надзирателя за рыбными промыслами. Погиб вместе с несколькими соратниками 18 июля 1906 г. в устье реки Воровской при нападении японских хищников. Его смерть современники рассматривали как месть японцев за поражения в 1904—1905 гг. Похоронен на месте гибели, могила смыта штормами в конце 1930-х гг. Памятный знак М. И. Сотникову и погибшим вместе с ним членам рыболовного надзора ныне установлен возле Соболевского районного музея.

Станислав Матвеевич Лех. Родился в 1872 г. в Иркутске, этнический поляк, надворный советник, поручик запаса. В 1889 г. окончил Иркутское городское училище, в 1892 г. — Иркутское юнкерское училище. Воинскую службу начал в 6-м Восточно-Сибирском стрелковом батальоне. В конце 1890-х гг. вышел в отставку, перешёл на гражданскую службу. В 1905 г. назначен начальником Петропавловского уезда. В этой должности находился до апреля революционного 1917 г., когда был уволен как бывший полицейский, то есть «слуга царского режима». Будучи начальником Петропавловского уезда, занимался благотворительностью и общественной деятельностью. Имел пятерых детей. Уехал из Петропавловска в середине 1917 г. Погиб в 1920 г. в Николаевске-на-Амуре в ходе кровавого гражданского противостояния.

Александр Тихонович Зубков. Родился в 1871 г. в Вологодской губернии. Мещанин, первый камчатский ополченец 1904 г. Приехал на полуостров в 1896 г. из Архангельской губернии для работы на самых первых рыбных промыслах КТПО в качестве засольщика, позже купил в Петропавловске несколько домов, занялся собственным рыбным промыслом и торговлей, охотно жертвовал на содержание приютов и церквей. В 1913 г. за оскорбление начальника уезда выслан во Владивосток, затем был оправдан. В 1914 г. уехал в Вологодскую губернию, в 1916 г. вернулся на Дальний Восток, работал в Николаевске-на-Амуре. Осенью 1917 г. прибыл в Петропавловск. В 1918 г. подал прошение об уплате за взятые у него в 1905 г. для казённых нужд лошадь, кунгас и невод. В 1923 г. был засольщиком на частных промыслах. До 1930 г. жил в Петропавловском районе. Как бывший торговец лишился избирательных прав, но был восстановлен в 1930 г. Привлекался к ответственности за противokoлхозную агитацию, в 1931 г. арестован. В 1932 г. приговорён к лишению свободы сроком на один год. Реабилитирован в 1990 г. Сведений о дате смерти нет.

Северин Карлсон. Родился в 1868 г., этнический швед. С 1889 г. жил в селении Явино. Вначале охотился, затем занялся торговлей, в основном в обмен на пушнину. В 1894 г. принял православие. В 1912 г. переехал в Мономахово (ныне Соболево), построил большой дом и продолжил торговлю. Был

попечителем местной школы. От рано умерших двух жён имел восьмерых детей. Некоторые из них обучались в Шанхае и Нагасаки, свободно говорили по-английски, что для Камчатки тех лет было большой редкостью. В 1920-х гг. его торговля пришла в упадок, в 1923 г. он переехал в село Запорожье, где занялся рыбным промыслом. В последние годы жизни был прикован к постели. Умер в октябре 1932 г. За участие в обороне Камчатки награждён Георгиевским крестом 4-й степени.

Николай Александрович Гребницкий. Родился в 1848 г. в Новгородской губернии, статский советник. В 1867 г. окончил гимназию в Санкт-Петербурге, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1869 г. за участие в студенческих волнениях отчислен, образование завершил в 1872 г. в Новороссийском университете Одессы. Получил степень кандидата естественных наук, выполнил ряд работ по биологии Чёрного моря. С 1875 г. уехал в Иркутск на преподавательскую работу. Участвовал в экспедициях по изучению Южно-Уссурийского края. Служил в штате управления Восточной Сибири, затем назначен управляющим Командорскими островами, был им 30 лет. В 1906 г. входил в состав особого совещания, обсуждавшего вопросы о заключении рыболовной конвенции с Японией в соответствии с решениями Портсмутского мирного договора 1905 г. Уволен от должности 26 мая 1907 г. по состоянию здоровья. Занимался научной деятельностью, имел ряд значимых научных и государственных наград. Скончался 8 марта 1908 г. в своей усадьбе Кузнецово в Новгородской губернии. Легенды об обрётённом им за годы управления Командорами и их пушными богатствами огромном состоянии, а также о предательстве русских интересов документально не подтверждены.

Гундзи (Гунджи) Сечу (Сагэтада). Родился в 1859 г. в Токио, представитель знатного самурайского рода, офицер военно-морского резерва. В 1878 г. на японском корабле побывал во Владивостоке. В 1892 г. оставил военную службу, создал Общество освоения Курильских островов, привлёк в него бывших моряков. В 1893 г. организовал колонию на острове Шумшу, назвал её Катаока в честь покровителя, императорского чиновника. Участник японо-китайской войны 1894—1895 гг. В начале 1900-х гг. служил приказчиком КТПО. Возглавил первое в истории вооружённое японское вторжение на русскую землю, высадившись с десантом 30 мая 1904 г. в устье реки Озерной. Взят в плен, содержался в Мильково, освобождён в 1905 г. В декабре этого года через Владивосток вернулся на родину. На Камчатке вновь появился в июне 1906 г., зайдя в Петропавловск на трёхмачтовой шхуне. Здесь ожидал разрешения на право рыбной ловли. Так и не получив его, 13 июня вышел в море, «но куда и с какой целью — неизвестно». Зато известно, что на Курилах он больше никогда не появлялся. Скончался в 1924 г. На острове Шумшу до сих сохранились могилы первых японских поселенцев. Говорят, есть там и памятник их командиру Сечу Гундзи — национальному герою Японии.

Некоторые события той далёкой войны

(приложение)

Несколько подготовленных юными камчатскими художниками иллюстраций выходят за рамки описанных в этой книжке событий. Они касаются боевых действий, шедших на далёком от нашего полуострова «материке» — в Маньчжурии и Китае, под Порт-Артуром. Тем не менее, нам показалось нужным включить их в издание, снабдив небольшими пояснениями.

Бой «Варяга» и «Корейца» при Чемульпо. Ярослава Соколова, 12 лет.
Преподаватель В. А. Белых, Петропавловск

Гибель канонерской лодки «Кореец» и крейсера «Варяг».

Марина Кузнецова, 12 лет.

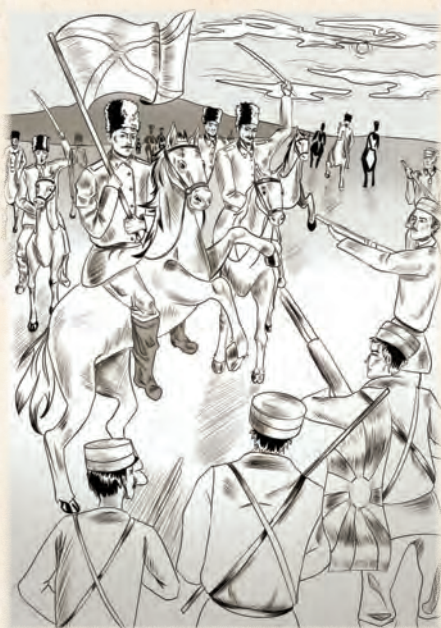
Преподаватель В. А. Белых, Петропавловск

Неравный бой двух русских кораблей — крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» — с японской эскадрой (шесть крейсеров и восемь миноносцев) состоялся 27 января 1904 г. у порта Чемульпо (ныне Инчхон в Республике Корея). Несмотря на подавляющее преимущество, японцы не смогли потопить русские корабли и не взяли в плен ни одного моряка. После боя, чтобы повреждённый «Варяг» не достался врагу, экипаж затопил его на рейде Чемульпо. «Кореец» был взорван.

*В. Японский броненосец «Ясима». София Гаврилова, 12 лет.
Преподаватель В. А. Белых, Петропавловск*

Японский броненосец «Ясима» 15 мая 1904 г. подорвался на русских минах, выставленных у крепости Порт-Артур, получил большие повреждения и затонул.

*Бой при Вафангоу.
Кристина Максимова, 15 лет.
Преподаватель Н. Г. Перфилова,
Елизово*

Неудачный для русской стороны двухдневный бой у железнодорожной станции Вафангоу (Ляодунский полуостров) между 1-м Сибирским корпусом и японской 2-й армией состоялся 1—2 июня 1904 г.

*Порт-Артур. Софья Савилова, 15 лет.
Преподаватель А. Ю. Кочерина, Петропавловск*

*Гибель русских кораблей в Порт-Артуре. Мария Жмурко, 15 лет.
Преподаватель И. М. Царьков, Петропавловск*

После захвата японцами 22 ноября 1904 г. горы Высокой возле Порт-Артура у них открылась возможность вести огонь из тяжёлых осадных орудий по гавани и запертым в ней русским кораблям. Вскоре их большая часть погибла...

СОДЕРЖАНИЕ

Былое и современность	3
Хищник и забытая окраина империи	5
Интриги, заговоры и добрые дела	13
Камчатка готовится встречать врага	24
Нашествие и отпор	34
Герои и злодеи	47
Последний бой и мир	65
Люди и судьбы (приложение)	73
Некоторые события той далёкой войны (приложение)	76

Серия «Камчатское детство»

Литературно-художественное издание

Сергей Гаврилов

Как Камчатка с японцами воевала

Редактор С. В. Гаврилов

Оригинал-макет О. И. Набутовской

Корректор Л. В. Орлова

Подписано в печать 14.03.2025 г. Формат 70х100/16.

Усл. печ. л. 6,82. Тираж 500 экз. Заказ

Издательство «Новая книга»,

683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.

Тел./факс 8(4152) 43-21-84

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс».

690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10